

Анатолий Шигапов

A black and white photograph showing three human figures standing in a dark, misty environment. The central figure is the largest and most prominent, with a bright, ethereal light emanating from their head and upper body, creating a halo effect. Two smaller figures stand on either side of the central one, also partially illuminated by the mist. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

РАСКОЛ

Анатолий Шигапов

РАСКОЛ

<https://litres.ru/74677612>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Раскол» - это книга о том, как молчание старших делает детей солдатами. Артём и Максим не выбирали войну - её выбрали за них те, кто не рассказал им историю. И единственное, что может противостоять этому, - правдивый разговор. Не ненависть, не «правда одной стороны», а способность увидеть в другом человека раньше, чем врага. Как Иван и Петро. Как Артём и Максим.

Анатолий Шигапов

РАСКОЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

К первому тому трилогии «Раскол»

Эта книга писалась не для того, чтобы кого-то убедить. Не для того, чтобы доказать чью-то правоту. Не для того, чтобы выбрать сторону.

Эта трилогия - о расколе. Но не только о том, который произошёл в 2014 году. Не только о том, который произошёл в 2022-м. Это трилогия о расколе, который длится уже больше века. О расколе, который начался задолго до нас. И который не закончится, пока мы не научимся говорить.

Первый том - «Раскол» - это том о молчании. О двух мальчиках, которые родились в один день в двух городах. Которые выросли в тишине. Которые не знали своей истории. И которые встретились в подвале - с автоматами, с ненавистью, с страхом. И увидели друг в друге человека. Слишком поздно? Или - вовремя? Я не знаю. Но я знаю, что они увидели.

Второй том - «Раскол. Первая мировая» - это том о трещине. О той трещине, которая прошла через империю, через семьи, через души. О русских и украинцах, которые воевали в одной армии, но по-разному понимали, за что. О братьях, которые оказались по разные стороны фронта - не потому, что выбрали, а потому, что так решили за них. О том, как

рушится мир, который казался вечным. О том, как начинается раскол.

Третий том - «Раскол. Великая Отечественная» - это том о крови. О той крови, которая была общей. О русских, украинцах, белорусах, которые вместе держали фронт. Которые вместе умирали. Которые вместе дошли до Берлина. О том, как война объединяет - и как мир разделяет. О том, как молчание начинается именно там, где было единство. Потому что единство - это тоже больно. Потому что вспоминать о том, как вы были вместе, - невыносимо, когда вы уже не вместе.

Три тома. Три войны. Три раскола. Но одна история.

История о том, что люди не учатся. История о том, что время идёт по кругу. История о том, что мы наступаем на одни и те же грабли - только грабли становятся всё тяжелее.

Я писал эту книгу не для того, чтобы кого-то обвинить. Не для того, чтобы сказать: «Вот виноватые». Виноватых нет. Есть обманутые. Есть те, кто поверил. Есть те, кто молчал. Есть те, кто не знал. И есть те, кто решил за них.

Эта книга - о тех, кто решил. И о тех, кто поверил. И о тех, кто молчал.

История о том, что люди не учатся. История о том, что время идёт по кругу. История о том, что мы наступаем на одни и те же грабли - только грабли становятся всё тяжелее.

Эта книга - не учебник истории. Не политический трактат. Не манифест. Это - попытка заговорить о том, о чём мы

молчим. О том, о чём мы боялись говорить. О том, о чём мы будем говорить - рано или поздно. Потому что молчание не может длиться вечно. Рано или поздно оно взрывается. И тогда - война. Потому что без истории нет нации. А без нации - нет нас.

Поэтому я пишу. Поэтому я говорю. Поэтому я не молчу. Эта книга - для тех, кто хочет понять. Для тех, кто готов слушать. Для тех, кто не боится задавать вопросы. Для тех, кто помнит.

И для тех, кто забыл. Потому что забывать - это тоже молчание. А молчание - это то, что нас убивает.

Эта книга - моя надежда. Моя попытка сказать то, что я не мог сказать двенадцать лет. Моя попытка заговорить о том, о чём молчали.

И если вы дочитали до этой страницы - значит, вы тоже пытаетесь.

Значит, мы вместе.

А вместе - не так страшно. Вместе - не так темно. Вместе - не так одиноко.

С уважением и надеждой,

Анатолий Шигапов

P.S. Эта книга не о том, кто прав. Она о том, что все - люди. И если вы закроете её с мыслью «я был прав», значит, я не справился. Если вы закроете её с мыслью «я не знаю», значит, я не справился. Если вы закроете её с мыслью «я хочу понять», значит, мы на правильном пути.

Но окончательный вывод - не за мной. И не за вами. История рассудит.

Глава 1. Москва, 9 мая 2002 года

Коридор роддома пах хлоркой и чем-то ещё - тёплым, человеческим, неуловимым. Запах, который бывает только в местах, где ждут.

Отец стоял у окна. Руки за спиной, пальцы сцеплены. Шаг вперёд, шаг назад. Он не считал шаги - просто двигался, потому что стоять на месте было невыносимо. Форма сидела ладно, новенькая, с иголки, ещё пахнувшая складом. Он надел её утром, хотя мог прийти в гражданском. Сегодня он хотел быть в форме. Не для себя - для сына. Чтобы сын запомнил. Хотя какой там запомнит - младенец. Но пусть будет.

За окном - площадь. Толпа. Георгиевские ленты. Оранжево-чёрные полосы на груди у прохожих. Кто-то смеётся, кто-то поёт, кто-то держит ребёнка на плечах. Ветер гоняет по асфальту обёртки от мороженого. Солнце бьёт в стекло, и отец щурится.

Он думал о своём отце. О деде этого младенца, который ещё не родился. Или уже родился? Медсестра не выходила. Дед не дожил - умер три года назад. Тихо. Во сне. Как и жил - никого не обременяя. Даже смертью.

«Ты бы гордился, - подумал отец. - Или нет. Ты ведь никогда не говорил о гордости. Ты вообще мало что говорил».

Он вспомнил его руки. Тяжёлые, сухие, с табаком, вьёвшимся в кожу. Эти руки поднимали его, когда он был маленьким. Чинили велосипед, строга́ли доски, держали газету. И никогда - не били. Ни разу. Хотя мог бы: за двойки, за разбитое окно, за поздние возвращения. Но не бил. Только смотрел. Молча. И это было хуже.

Отец не знал, что его сын будет смотреть на фотографию деда и не сможет вспомнить его лица. Только запах табака. И тяжёлую руку на голове. И это будет всё. Всё, что останется от человека, который прошёл войну, дошёл до Берлина, видел смерть и не сошёл с ума. Всё, что останется - запах и тяжесть.

Дверь скрипнула. Медсестра вышла - усталая, но улыбающаяся. В руках - свёрток. Белый, маленький, крошечный.
- Мальчик. С Днём Победы.

Отец обернулся. Посмотрел на свёрток. Не сразу понял, что это его. Что это - его сын. Тот, кого он ждал девять месяцев, хотя не признавался даже себе. Он протянул руки. Медсестра вложила свёрток. Он взял - неумело, неловко, будто держал что-то хрупкое и драгоценное, что могло рассыпаться от неосторожного движения.

Он долго смотрел. На красное сморщенное лицо. На закрытые глаза. На крошечные пальцы, выглядывающие из пелёнки. На то, как ребёнок дышит - часто, поверхностно, будто проверяя, работает ли воздух.

Отец улыбнулся. Впервые за много месяцев. Может, за

год. Может, больше. Он не помнил, когда улыбался в последний раз. Но сейчас - улыбнулся. И это было странно. И хорошо. И страшно.

Он достал из кармана старую плёнку. Чёрно-белую, свёрнутую в трубочку. Края заломаны. Он вертел её в пальцах. Долго. Смотрел на неё. Потом на сына. Потом снова на плёнку. И положил обратно в карман.

- Я тебе потом покажу, - сказал он тихо. - Потом. Когда вырастешь.

Ребёнок спал. Не слышал. Не понимал. Но отец всё равно сказал. Потому что нужно было сказать. Кому-то. Хотя бы ему.

Он стоял с сыном на руках и смотрел на площадь. Люди шли, смеялись, пели, жили. А он думал о том, что теперь у него есть сын. И что он должен рассказать ему всё. Всё, что не рассказал ему его отец. Всё, что молчало поколение. Всё, что было слишком тяжёлым, чтобы говорить.

Он не знал, что не расскажет. Что не сможет. Что слова застрянут в горле, как застревали у его отца. Что молчание - это не выбор. Это проклятие. Это то, что передаётся от отца к сыну вместе с цветом глаз и формой носа.

А в палате плакала мать. От счастья. От усталости. От страха. От всего сразу. Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Слезы текли по вискам и капали на подушку. Она не вытирала их. Пусть текут. Пусть выходят. Всё, что накопилось за девять месяцев. За всю жизнь.

Она думала о том, что теперь она - мать. Что у неё есть сын. Что она должна его защитить. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Она не знала, что будет. Никто не знал. Но она боялась. Просто боялась. Как бояться все матери. Как боялась её мать. Как будет бояться её сын, когда у него родятся дети.

Отец вошёл в палату. Сын на руках. Мать посмотрела на него. Улыбнулась сквозь слёзы. Он подошёл, сел рядом, положил сына ей на грудь. Она обняла его. Обоих. Мужа и сына. И заплакала снова. Но уже тише. Уже спокойнее.

Отец смотрел на них. На жену. На сына. На то, как они лежат вместе. И думал о том, что теперь он - отец. Что он должен защитить их. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Но он боялся. Просто боялся. Как бояться все отцы. Как боялся его отец. Как будет бояться его сын, когда у него родятся дети.

За окном гремела музыка. Кто-то включил «День Победы». Толпа подхватила. Пели все - старые и молодые, мужчины и женщины, те, кто воевал, и те, кто не воевал, но помнил. Помнил по рассказам. По фотографиям. По молчанию.

Отец слушал. И думал о том, что его отец тоже пел эту песню. Когда-то. Давно. Может быть, в тот самый день, когда вернулся с войны. Может быть, в тот день, когда узнал, что победили. Может быть, в тот день, когда понял, что жив. Не спрашивал. Теперь не спросить.

Он слушал песню и думал о том, что его сын тоже будет

её петь. Через много лет. Когда вырастет. Когда поймёт. А может, не поймёт. Может, просто будет петь, потому что так надо. Потому что так принято. Потому что все поют.

Он не знал, что его сын будет слушать эту песню и не сможет её петь. Потому что слова застрянут в горле. Потому что он будет думать о деде, которого не помнит. И о том, что «День Победы» - это не про победу. Это про память. А память - это больно.

А на площади люди шли. Смеялись. Пели. Жили. И никто из них не знал, что через двадцать лет всё изменится. Что братья станут врагами. Что друзья станут чужими. Что песня останется той же, а смысл - другим. Никто не знал. И это было самое страшное. И самое обычное. Потому что жизнь всегда так устроена: мы не знаем, что будет. Мы просто живём. И поём. И надеемся. И боимся. И любим. И теряем. И находим. И снова теряем.

Отец посмотрел на сына. Сын спал. Тихо. Спокойно. Не зная ничего. Не боясь ничего. Просто спал. И это было хорошо. Потому что сон - это единственное место, где нет войны. Где нет врагов. Где нет разделения. Где все - просто люди. Просто дети. Просто те, кто ещё не знает.

Он поцеловал сына в лоб. Осторожно. Чтобы не разбудить. И прошептал:

- С Днём Победы, сынок.

И это было всё, что он мог сказать. И это было всё, что он хотел сказать. И это было всё, что он скажет. Потому что

дальше - молчание. Как у отца. Как у всех. Как у тех, кто прошёл войну и не смог рассказать. Как у тех, кто не прошёл, но видел. Как у тех, кто будет.

Киев, 9 мая 2002 года

Тот же день. Другой город. Другой коридор. Тот же запах хлорки. Та же тишина. То же ожидание.

Дед сидел на стуле. Неподвижно. Руки на коленях, ладони вверх, пальцы чуть согнуты. Он смотрел в стену. Не на что-то конкретное - просто в стену. Белую. С трещиной в углу. Трещина была старая. Её закрашивали много раз. Но она появлялась снова. Как память. Как боль. Как всё, что не хочешь вспоминать, но что возвращается.

Он не двигался. Не считал минуты. Не смотрел на часы. Просто сидел. И ждал. Ждал уже три часа. Может, больше. Время в роддомах течёт по-своему. Оно не подчиняется законам. Оно просто есть. Или его нет.

Мимо проходили люди. Медсёстры. Врачи. Другие отцы. Другие деды. Они разговаривали, смеялись, курили в тамбуре. Он не курил. Не мог. Руки дрожали. А может, не дрожали. Может, это было что-то другое. Что-то внутри. Что-то, что не имело названия.

Он думал о сыне. О своём сыне. Об отце этого младенца, который ещё не родился. Или уже родился? Медсестра не выходила. Он сидел и думал о том, что сын не пришёл. Не смог. Работа. Дела. Что-то важное. Что-то, что не позволило ему быть здесь. В этот день. В этот час. В эту минуту.

Он не осуждал. Не мог осуждать. Он сам был таким. Молодым. Глупым. Занятым. Занятым чем-то, что казалось важным. А потом оказывалось пустым. Потому что важное - это не работа. Не деньги. Не дела. Важное - это вот эти минуты. Когда ты сидишь в коридоре и ждёшь. И не знаешь, что будет. И боишься. И надеешься. И молишься. Хотя не веришь в Бога. Но молишься. Потому что больше некому.

Он думал о жене. Она умерла. Давно. Пять лет назад. Не дожила. Не увидела. Не узнала. Умерла тихо. Во сне. Как и жила - никого не обременяя. Даже смертью. Он до сих пор не мог простить её за это. За то, что ушла первой. За то, что оставила его одного. За то, что не увидит внука. За то, что он будет смотреть на этого младенца и думать: «Ты бы гордилась. Или нет. Ты ведь никогда не говорила о гордости. Ты вообще мало что говорила. Но ты бы любила. Это точно. Ты бы любила».

Он вспомнил её руки. Тёплые, мягкие, с морщинками у запястий. Эти руки готовили борщ. Пекли хлеб. Шили рубашки. И никогда - не били. Ни разу. Хотя могла бы: за двойки, за разбитое окно, за поздние возвращения. Но не била. Только смотрела. Молча. И это было хуже.

Дед не знал, что через двадцать лет его внук будет смотреть на фотографию бабушки и не сможет вспомнить её лица. Только запах борща. И мягкие руки на голове. И это будет всё. Всё, что останется от женщины, которая прошла войну, которая ждала его с фронта, которая родила ему сына, кото-

рая умерла тихо. Всё, что останется - запах и мягкость.

Дверь скрипнула. Медсестра вышла - усталая, но улыбающаяся. В руках - свёрток. Белый, маленький, крошечный.
- Мальчик. С Днём Победы.

Дед вздрогнул. Не от слов. От голоса. От того, как это было сказано. «С Днём Победы». Он слышал эти слова много раз. Каждый год. Девятого мая. Но сейчас они прозвучали иначе. Как приговор. Как напоминание. Как то, что он не хотел слышать.

Он встал. Медленно. Тяжело. Колени хрустнули. Вышел на улицу. Не сказал ни слова. Не взял свёрток. Просто вышел. Потому что не мог. Не мог видеть. Не мог слышать. Не мог.

На улице было тепло. Солнце. Люди. Георгиевские ленты. Смех. Песни. Он закурил. Руки дрожали. Но он закурил. И стоял. Долго. Смотрел на людей. На их лица. На их ленты. На их радость.

Он думал о том, что они не знают. Не знают, что было. Не знают, что будет. Они просто живут. Просто празднуют. Просто помнят. Но их память - это не память. Это ритуал. Это привычка. Это то, что делают, потому что так надо. А он знал. Он помнил. Не ритуалом. Не привычкой. А телом. Руками. Ногами. Спинай. Всем, что болело до сих пор. Всем, что не зажило.

Он докурил. Бросил окуроч в урну. Не попал. Не стал поднимать. Вернулся. Медсестра стояла в коридоре. Смотрела

на него. С опаской. Может, думала, что он сумасшедший. Может, что пьяный. Может, просто не знала, что думать.

- Вы дедушка? - спросила она.

- Да, - сказал он.

Он вошёл в палату. Жена сына лежала на кровати. Усталая. Бледная. Счастливая. Она улыбнулась ему. Он не улыбнулся в ответ. Не мог. Просто подошёл. Взял ребёнка. Осторожно. Будто боялся. Будто держал не младенца, а что-то опасное. Что-то, что могло взорваться. Что-то, что могло убить.

Он смотрел на него. Долго. На красное сморщенное лицо. На закрытые глаза. На крошечные пальцы. На то, как ребёнок дышит - часто, поверхностно, будто проверяя, работает ли воздух. Он смотрел и что-то шептал. Тихо. Так тихо, что никто не слышал. Даже он сам. Может, не шептал. Может, просто губы двигались. Может, просто дышал.

Мать потом спросит:

- Что ты сказал?

Он ответит:

- Ничего.

Она слышала. Слов не разобрала. Запомнила интонацию. Будто просит прощения. За что? Она не знала. Он не сказал. Он никогда не говорил. Он просто молчал. И это молчание было громче любых слов.

Он отдал ребёнка матери. Вышел. Снова на улицу. Снова закурил. Снова смотрел на людей. Снова думал. О том, что

теперь у него есть внук. И что он должен рассказать ему всё. Всё, что не рассказал сыну. Всё, что молчало поколение. Всё, что было слишком тяжёлым, чтобы говорить.

Он не знал, что не расскажет. Что не сможет. Что слова застрянут в горле, как застревали у его отца. Что молчание - это не выбор. Это проклятие. Это то, что передаётся от деда к внуку вместе с цветом глаз и формой носа.

А в палате мать плакала. От счастья. От усталости. От страха. От всего сразу. Она лежала на кровати и смотрела в потолок. Слезы текли по вискам и капали на подушку. Она не вытирала их. Пусть текут. Пусть выходят. Всё, что накопилось за девять месяцев. За всю жизнь.

Она думала о том, что теперь она - мать. Что у неё есть сын. Что она должна его защитить. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Она не знала, что будет. Никто не знал. Но она боялась. Просто боялась. Как бояться все матери. Как боялась её мать. Как будет бояться её сын, когда у него родятся дети.

Дед вернулся. Сел у колыбели. Смотрел на внука. Молчал. Жена сына спала. Сын не пришёл. Дед был один. С внуком. И с тем, что он не мог сказать. И с тем, что он скажет. Когда-нибудь. Потом. Может быть.

Он не знал, что «потом» не наступит. Что он будет молчать. Что внук вырастет и не узнает ничего. Что он будет спрашивать, а дед будет отвечать: «Потом», «Не твоё дело», «Ты не поймёшь». И что это «потом» растянется на всю

жизнь. И что внук так и не узнает. Пока не поймёт, что враг - не враг. И что дед молчал не потому, что не хотел. А потому, что не мог. Потому что война - это не то, что рассказывают. Это то, что молчат.

За окном гремела музыка. Кто-то включил «День Победы». Толпа подхватила. Пели все - старые и молодые, мужчины и женщины, те, кто воевал, и те, кто не воевал, но помнил. Помнил по рассказам. По фотографиям. По молчанию.

Дед слушал. И думал о том, что он тоже пел эту песню. Когда-то. Давно. В тот самый день, когда вернулся с войны. В тот день, когда узнал, что победили. В тот день, когда понял, что жив. Он помнил. Не хотел помнить. Но помнил. И это было хуже, чем забыть.

Он слушал песню и думал о том, что его внук тоже будет её петь. Через много лет. Когда вырастет. Когда поймёт. А может, не поймёт. Может, просто будет петь, потому что так надо. Потому что так принято. Потому что все поют.

Он не знал, что через двадцать лет его внук будет слушать эту песню и не сможет её петь. Потому что слова застрянут в горле. Потому что он будет думать о деде, который жив, но молчит. И о враге, которого встретит в подвале. И о том, что «День Победы» - это не про победу. Это про память. А память - это больно.

А на площади люди шли. Смеялись. Пели. Жили. И никто из них не знал, что через двадцать лет всё изменится. Что братья станут врагами. Что друзья станут чужими. Что пес-

ня останется той же, а смысл - другим. Никто не знал. И это было самое страшное. И самое обычное. Потому что жизнь всегда так устроена: мы не знаем, что будет. Мы просто живём. И поём. И надеемся. И боимся. И любим. И теряем. И находим. И снова теряем.

Дед посмотрел на внука. Внук спал. Тихо. Спокойно. Не зная ничего. Не боясь ничего. Просто спал. И это было хорошо. Потому что сон - это единственное место, где нет войны. Где нет врагов. Где нет разделения. Где все - просто люди. Просто дети. Просто те, кто ещё не знает.

Он поцеловал внука в лоб. Осторожно. Чтобы не разбудить. И прошептал:

- С Днём Победы, внучок.

И это было всё, что он мог сказать. И это было всё, что он хотел сказать. И это было всё, что он скажет. Потому что дальше - молчание. Как у отца. Как у всех. Как у тех, кто прошёл войну и не смог рассказать. Как у тех, кто не прошёл, но видел. Как у тех, кто будет.

Москва. Первый день дома

Квартира пахла новым. Не ремонтом. Не краской. Не мебелью. А чем-то другим. Чем-то, что появляется, когда в доме становится на одного человека больше. Чем-то тёплым. Чем-то живым. Чем-то, что нельзя купить в магазине.

Мать плакала. От счастья. Она стояла посреди комнаты и плакала. Не вытирала слёзы. Не прятала лицо. Просто стояла и плакала. И это было правильно. Потому что слёзы - это

тоже слова. Только без букв.

Отец фотографировал. Всё. Стены. Окно. Колыбель. Жену. Сына. Себя в зеркале. Он не умел фотографировать. Но фотографировал. Потому что хотел запомнить. Всё. Каждую минуту. Каждую деталь. Каждый вздох. Потому что знал: это не повторится. Никогда. Даже если будет второй ребёнок. Это будет другой ребёнок. Другая минута. Другая жизнь.

На стене висела фотография деда. В военной форме. Без наград. Без подписи. Просто молодой человек с усталыми глазами. Он смотрел прямо. Не улыбался. Не хмурился. Просто смотрел. Как будто знал что-то, чего не знали другие. Как будто видел что-то, чего не видели другие. Как будто молчал о чём-то, о чём не могли молчать другие.

Отец подошёл. Снял фотографию. Протёр стекло. Тряпкой. Медленно. Аккуратно. Будто стирал не пыль, а что-то другое. Что-то, что накопилось. Что-то, что мешало. Потом повесил обратно. Ровно. Чтобы не криво. Чтобы дед смотрел прямо. Чтобы видел.

Он сел у колыбели. Смотрел на сына. Молчал. Долго. Сын спал. Тихо. Спокойно. Не зная ничего. Не боясь ничего. Просто спал. И это было хорошо.

Мать подошла. Положила руку на плечо. Он не обернулся. Не вздрогнул. Просто почувствовал. Тепло. Рядом. И это было хорошо.

- Дед был хорошим человеком, - сказал он тихо. - Он много чего видел. Но не рассказывал.

- Почему? - спросила мать.

- Не знаю. Может, не мог. Может, не хотел.

Она не ответила. Не знала, что сказать. Он тоже не знал. Просто сидел. И смотрел.

Артём засыпал. Медленно. Тихо. Как засыпают все дети. Как засыпал его отец. Как засыпал его дед. Как будет засыпать его сын. Как будет засыпать его внук. Все. Всегда. Потому что сон - это единственное, что объединяет всех. Живых и мёртвых. Русских и украинцев. Тех, кто воевал, и тех, кто не воевал. Тех, кто помнит, и тех, кто не помнит. Всех.

Отец ещё долго сидел. Смотрел на фотографию. Думал о том, что дед был хорошим человеком. Что он много чего видел. Что он не рассказывал. И что теперь - не спросить. Не узнать. Не понять. Потому что дед умер. Тихо. Во сне. Как и жил - тихо. Никого не обременяя. Даже смертью.

Он думал о том, что теперь он - отец. Что он должен рассказать сыну всё. Всё, что не рассказал ему его отец. Всё, что молчало поколение. Всё, что было слишком тяжёлым, чтобы говорить.

Он не знал, что не расскажет. Что не сможет. Что слова застрянут в горле, как застревали у его отца. Что молчание - это не выбор. Это проклятие. Это то, что передаётся от отца к сыну вместе с цветом глаз и формой носа.

А за окном шёл дождь. Мелкий. Осенний. Хотя была весна. Май. День Победы. Но дождь шёл. И это было странно. И хорошо. И страшно.

Киев. Первый день дома

Квартира пахла старым. Не ремонтом. Не краской. Не мебелью. А чем-то другим. Чем-то, что появляется, когда в доме живут долго. Чем-то тёплым. Чем-то привычным. Чем-то, что нельзя купить в магазине.

Дед взял внука. Долго смотрел. Молча. На красное сморщенное лицо. На закрытые глаза. На крошечные пальцы. На то, как ребёнок дышит - часто, поверхностно, будто проверяя, работает ли воздух. Он смотрел и думал о том, что теперь у него есть внук. И что он должен рассказать ему всё. Всё, что не рассказал сыну. Всё, что молчало поколение. Всё, что было слишком тяжёлым, чтобы говорить.

Потом молча отдал ребёнка матери. Вышел на балкон. Балкон был маленький. Тесный. Заставленный банками. Старыми. Пустыми. Он не выбрасывал их. Не знал зачем. Просто не выбрасывал. Как не выбрасывал фотографии. Как не выбрасывал память. Как не выбрасывал боль.

В кармане - старая фотография. Он достал её. Долго смотрел. На фотографии - двое. Он и ещё один человек. Молодые. Смеются. Обнимаются. Счастливые. Как будто войны не было. Как будто смерти не было. Как будто всё было хорошо. И это было самое страшное. Потому что это было не так. Потому что война была. И смерть была. И всё было плохо. Но на фотографии - смеялись. Потому что были молодыми. Потому что не знали. Потому что думали, что всё впереди. А впереди было только молчание.

Он убрал фотографию. Вернулся в комнату. Сел у колыбели. Смотрел на внука. Молчал. Долго.

Потом заговорил. Тихо. Чтобы никто не слышал. Даже он сам.

- Ты не спрашивай. Пока не спрашивай.

Мать слышала из кухни. Замерла. Не понимала, что значит «пока». Думала: «Может, потом расскажет». Она не знала, что «потом» не наступит. Что он будет молчать двадцать лет. Что внук вырастет и не узнает ничего. Что он будет спрашивать, а дед будет отвечать: «Потом», «Не твоё дело», «Ты не поймёшь». И что это «потом» растянется на всю жизнь. И что внук так и не узнает.

Она не знала. Она просто стояла на кухне. И замерла. И не понимала. И это было правильно. Потому что иногда непонимание - это единственное, что остаётся.

Дед сидел у колыбели. Смотрел на внука. Молчал. А за окном шёл дождь. Мелкий. Осенний. Хотя была весна. Май. День Победы.

Две колыбели. Два города. Одна дата

В Москве мать пела колыбельную. Тихо. Нежно. Слова простые. Про волчка. Про лес. Про то, как все спят. Она пела и думала о том, что теперь она - мать. Что у неё есть сын. Что она должна его защитить. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Она не знала, что будет. Никто не знал. Но она боялась. Просто боялась. Как боятся все матери. Как боялась её мать. Как будет бояться её сын, когда у

него родятся дети.

Она пела и не знала, что в это же время в другом городе поют ту же песню. Слова чуть другие. Мелодия та же. Интонация та же. Страх тот же. Надежда та же. Всё то же. Только город другой. Только люди другие. Только судьба другая. Или та же. Она не знала.

В Киеве мать пела колыбельную. Тихо. Нежно. Слова простые. Про кота. Про сад. Про то, как все спят. Она пела и думала о том, что теперь она - мать. Что у неё есть сын. Что она должна его защитить. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Она не знала, что будет. Никто не знал. Но она боялась. Просто боялась. Как бояться все матери. Как боялась её мать. Как будет бояться её сын, когда у него родятся дети.

Она пела и не знала, что в это же время в другом городе поют ту же песню. Слова чуть другие. Мелодия та же. Интонация та же. Страх тот же. Надежда та же. Всё то же. Только город другой. Только люди другие. Только судьба другая. Или та же. Она не знала.

Дед Максима слышал. Вздрагивал. Он знал эту песню. Слышал её на фронте. В окопах. В землянках. В госпиталях. Её пели все - русские, украинцы, белорусы. Пели, потому что хотели домой. Пели, потому что боялись. Пели, потому что надеялись. Пели, потому что не могли молчать.

Обе колыбели засыпали. Обе матери не знали, что их сыновья родятся в один день и встретятся через двадцать лет.

В подвале. С автоматами. С ненавистью. Со страхом. С тем, что нельзя понять. С тем, что нельзя простить. С тем, что нельзя забыть.

Они не знали. Они просто пели. И это было правильно. Потому что песня - это тоже слова. Только без букв.

Обе колыбели засыпали. Обе матери думали о будущем. Обе матери боялись. Обе матери надеялись. Обе матери любили. Обе матери не знали. И это было самое страшное. И самое обычное. Потому что жизнь всегда так устроена: мы не знаем, что будет. Мы просто живём. И поём. И надеемся. И боимся. И любим. И теряем. И находим. И снова теряем.

Обе колыбели засыпали. Обе матери не знали, что их сыновья встретятся. Что они будут стрелять друг в друга. Что они будут ненавидеть друг друга. Что они будут спасать друг друга. Что они будут понимать друг друга. Что они будут молчать друг с другом. Что они будут вместе. В подвале. В прошлом. В будущем. Везде.

Обе колыбели засыпали. Два города. Одна дата. Одна история. Одна боль. Одна надежда. Одна жизнь. И одна смерть. Которая придёт. Не сейчас. Потом. Через двадцать лет. В подвале. Когда они встретятся. И поймут. Что враг - не враг. Что враг - это те, кто сверху. Что враг - это те, кто молчал. Что враг - это те, кто не рассказал. Что враг - это они сами. Пока не поймут. Пока не простят. Пока не забудут. Пока не вспомнят. Пока не скажут. Пока не споют. Пока не замолчат. Навсегда.

А за окнами шёл дождь. В Москве. В Киеве. Везде. Мелкий. Осенний. Хотя была весна. Май. День Победы. Но дождь шёл. И это было странно. И хорошо. И страшно. Потому что дождь - это тоже слова. Только без букв.

И обе колыбели засыпали. И обе матери замолкали. И обе жизни начинались. И обе смерти ждали. В подвале. В прошлом. В будущем. Везде.

Глава 2. «Первые слова»

Москва, 2004 год

Артёму два года. Комната пахнет молоком и стиральным порошком. На полу - ковёр с вытертым ворсом. На ковре - мать. На коленях. Руки протянуты. Ладони вверх. Пальцы чуть подрагивают. Она ждёт.

Артём стоит у дивана. Держится за край. Ноги слабые. Колени дрожат. Он смотрит на мать. Не понимает, чего она хочет. Но чувствует: что-то важное. Что-то, что нужно сделать. Что-то, что изменит всё.

Он отпускает диван. Делает шаг. Ноги подгибаются. Он падает. Не плачет. Просто лежит. Смотрит на ковёр. На ворсинки. На пылинку. На что-то маленькое и неважное. Потом встаёт. Медленно. Тяжело. Как старик. Как солдат. Как все, кто учится ходить заново.

Ещё шаг. Ещё один. Он идёт. Шатается. Но идёт. К матери. К её рукам. К её глазам. К её страху и надежде. Он не знает, что это страх и надежда. Он просто идёт. Потому что

она ждёт. Потому что она здесь. Потому что она - мать.

Он доходит. Падает в её руки. Она подхватывает. Прижимает. Плачет. Тихо. Чтобы не испугать. Но плачет. Слёзы текут по щекам и капают ему на голову. Он не понимает. Он просто сидит. В её руках. В её тепле. В её страхе.

- Ты мой, - говорит она. - Ты мой.

Он не понимает слов. Но понимает интонацию. Что-то важное. Что-то, что нужно запомнить. Что-то, что останется. Навсегда.

На столе - телефон. Старый. С кнопками. Мать берёт его. Одной рукой. Другой держит Артёма. Набирает номер. Ждёт. Долго. Гудки. Длинные. Тишина. Потом - короткие. Никто не отвечает. Она кладёт трубку. Пишет сообщение. Большим пальцем. Медленно. Потому что одной рукой неудобно. Потому что руки дрожат.

«Он пошёл. Сам. Первый шаг».

Кладёт телефон. Смотрит на сына. Ждёт. Не ответа. Чего-то другого. Чего-то, что не придёт. Чего-то, что она уже знает. Но всё равно ждёт. Потому что надежда - это тоже привычка. Как курение. Как молчание. Как всё, что не хочешь, но не можешь бросить.

Ответ приходит через сутки. Утром. Телефон вибрирует. Мать берёт. Читает. Молчит. Долго. Артём играет на полу. С кубиками. Не смотрит на неё. Не понимает. Не знает. Что там, в телефоне. Что там, в сообщении. Что там, в отце.

«Молодец. Горжусь».

Мать читает. Молчит. Убирает телефон. В карман. Не в сумку. В карман. Ближе к телу. Ближе к сердцу. Хотя сердце - не там. Сердце - в другом месте. Сердце - в комнате. На полу. С кубиками. С сыном. С тем, что осталось. С тем, что не ушло.

Она садится рядом с Артёмом. На пол. На ковёр. На вытертый ворс. Берёт кубик. Ставит на другой. Башня растёт. Артём смотрит. Улыбается. Тянется. Хочет поставить свой. Мать даёт ему кубик. Он ставит. Криво. Башня падает. Артём смеётся. Мать не смеётся. Смотрит на телефон. В кармане. Молчит.

Она думает о том, что он не позвонил. Не приехал. Не увидел. Не почувствовал. Первый шаг. Первое слово. Первое всё. Он не увидел. Не почувствовал. Не узнал. И это - навсегда. Потому что первый шаг не повторяется. Первое слово не повторяется. Первое всё - не повторяется. Оно уходит. Как вода. Как песок. Как время. Как всё, что не держишь.

Она думает о том, что скажет ему. Когда он вернётся. Что скажет? Что промолчит? Что запомнит? Что забудет? Она не знает. Она просто сидит. На полу. С сыном. С кубиками. С телефоном в кармане. С тем, что не ушло. С тем, что осталось.

Артём ставит кубик. Криво. Башня падает. Он смеётся. Мать смотрит. И думает: «Он смеётся. Значит, всё хорошо. Значит, всё правильно. Значит, всё будет».

Она не знает, что через восемнадцать лет её сын будет сто-

ять в подвале с автоматом и смотреть на врага, который окажется не врагом. Она не знает. Она просто сидит. И смотрит. И думает. И надеется. И боится. И любит. И теряет. И находит. И снова теряет.

А за окном - город. Люди. Машины. Жизнь. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на неё. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без неё. С ней. Рядом. Везде.

Она смотрит в окно. Потом на сына. Потом снова в окно. И думает: «Я справлюсь. Я всё смогу. Я всё выдержу. Потому что я - мать. А мать может всё. Даже то, что нельзя. Даже то, что невозможно. Даже то, что убивает. Потому что она - мать. А мать - это не профессия. Это не роль. Это не слово. Это - всё. Всё сразу. Всё вместе. Всё навсегда».

Москва, 2004 год

Артём играет с бабушкой на полу. Кубики. Разноцветные. Красные. Синие. Жёлтые. Зелёные. Он строит башню. Бабушка помогает. Руки у неё старые. Морщинистые. С прожилками. Но тёплые. Мягкие. Как у всех бабушек. Как у всех, кто любит. Как у всех, кто ждёт.

Мать на кухне. Сидит. Смотрит в окно. Не двигается. Не говорит. Просто сидит. И смотрит. На что? На двор. На детей. На качели. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет. Она не знает. Она просто смотрит. И это - её способ быть. Её способ жить. Её способ ждать.

Артём подходит. Тянет за рукав. Мать оборачивается.

Медленно. Как будто просыпается. Улыбается. Через силу. Потому что надо. Потому что он смотрит. Потому что он ждёт. Потому что он - сын. А сын не должен видеть. Не должен знать. Не должен понимать. Пока не должен.

- Что, милый? - говорит она.

Артём не отвечает. Просто тянет. Ведёт. На пол. К кубикам. К башне. К тому, что строится. К тому, что падает. К тому, что можно построить снова. И снова. И снова. Пока не получится. Пока не встанет. Пока не будет.

Бабушка смотрит на них. Улыбается. Грустно. Потому что знает. Потому что видела. Потому что помнит. Она помнит, как мать Артёма ждала своего мужа. С фронта. Долго. Тяжело. Со страхом. С надеждой. С тем, что нельзя понять. И он вернулся. Живой. Но другой. Молчаливый. Чужой. И она помнит, как это было. Как это больно. Как это страшно. Как это - навсегда.

Она смотрит на Артёма. На его руки. На его глаза. На его улыбку. И думает: «Он не должен знать. Пока не должен. Пусть будет ребёнком. Пусть будет счастливым. Пусть будет. Хотя бы он. Хотя бы сейчас. Хотя бы немного».

Артём ставит кубик. Башня растёт. Высокая. Красивая. Он смеётся. Бабушка смеётся. Мать смотрит. Не смеётся. Не может. Потому что знает. Потому что видела. Потому что помнит. Что башни падают. Всегда. Как бы высоко ни были. Как бы красиво ни стояли. Как бы крепко ни держались. Они падают. Всегда. Потому что так устроено. Потому что так

надо. Потому что иначе - нельзя. Иначе - не жизнь. Иначе - не правда. Иначе - не всё.

Артём тянется к башне. Хочет поставить ещё кубик. Бабушка помогает. Башня растёт. Ещё выше. Ещё красивее. Ещё страшнее. Потому что чем выше - тем больше падать. Чем красивее - тем страшнее терять. Чем крепче - тем труднее отпускать.

Мать смотрит. И думает: «Не надо. Не строй. Не надо. Не надо. Потому что упадёт. Потому что больно. Потому что нельзя». Но не говорит. Не останавливает. Не запрещает. Потому что знает: нельзя запретить. Нельзя остановить. Нельзя защитить. Можно только быть рядом. Можно только смотреть. Можно только ждать. Когда упадёт. Когда заплачет. Когда придёт. Когда обнимет. Когда скажет: «Всё хорошо. Я рядом. Я здесь».

Бабушка говорит:

- Он защищает нас.

Артём смотрит на неё. Не понимает. Спрашивает:

- От кого?

- От врагов.

- А кто враги?

- Плохие люди.

- А где они?

- Далеко.

- А папа там?

Бабушка молчит. Смотрит на мать. Мать отворачивается.

К окну. К двору. К детям. К качелям. К тому, что было. К тому, что будет. К тому, чего нет.

- Там, - говорит бабушка.

- А почему он не здесь?

Бабушка не отвечает. Не знает. Не может. Не хочет. Она смотрит на мать. Мать молчит. Смотрит в окно. Не оборачивается. Не помогает. Не спасает. Потому что не может. Потому что не знает. Потому что не хочет.

Артём берёт кубик. Ставит на другой. Башня падает. Он смеётся. Мать не смеётся. Бабушка не смеётся. Они смотрят. На кубики. На пол. На то, что рассыпалось. На то, что можно собрать. На то, что нельзя. На то, что будет. На то, что уже было. На то, что никогда не будет.

Артём собирает кубики. Снова. Строит башню. Снова. Она падает. Снова. Он смеётся. Снова. И это - правильно. Потому что дети смеются. Когда падает. Потому что не знают. Что это - больно. Что это - страшно. Что это - навсегда.

Он не знает. Он просто строит. И смеётся. И падает. И встаёт. И снова строит. Потому что так надо. Потому что так правильно. Потому что так - жизнь.

Мать смотрит. И думает: «Пусть строит. Пусть смеётся. Пусть падает. Пусть встаёт. Пусть будет. Хотя бы он. Хотя бы сейчас. Хотя бы немного».

Киев, 2004 год

Максиму два года. Комната пахнет борщом и старыми книгами. На полу - ковёр с вытертым ворсом. На ковре - дед.

На коленях. Руки протянуты. Ладони вверх. Пальцы чуть подрагивают. Он ждёт.

Максим стоит у дивана. Держится за край. Ноги слабые. Колени дрожат. Он смотрит на деда. Не понимает, чего он хочет. Но чувствует: что-то важное. Что-то, что нужно сделать. Что-то, что изменит всё.

Он отпускает диван. Делает шаг. Ноги подгибаются. Он падает. Не плачет. Просто лежит. Смотрит на ковёр. На ворсинки. На пылинку. На что-то маленькое и неважное. Потом встаёт. Медленно. Тяжело. Как старик. Как солдат. Как все, кто учится ходить заново.

Ещё шаг. Ещё один. Он идёт. Шатается. Но идёт. К деду. К его рукам. К его глазам. К его страху и надежде. Он не знает, что это страх и надежда. Он просто идёт. Потому что дед ждёт. Потому что дед здесь. Потому что дед - всё.

Он доходит. Падает в его руки. Дед подхватывает. Прижимает. Впервые за год улыбается. Не плачет. Не может. Слёзы высохли давно. Может, на войне. Может, после. Может, когда хоронил жену. Может, когда понял, что остался один. Он не знает. Он просто улыбается. И это - правильно. Потому что иногда улыбка - это тоже слёзы. Только без воды.

Мать из кухни:

- Смотри, он к деду пошёл.

Отец кивает. Не смотрит. В телефоне. В новостях. В том, что важнее. В том, что не здесь. В том, что не сейчас. В том, что не дед. В том, что не сын. В том, что не жизнь.

Дед ставит Максима на пол. Отходит. На шаг. На два. На три. Максим тянется за ним. Руки вперёд. Пальцы дрожат. Он не понимает, почему дед уходит. Почему не держит. Почему не рядом.

Дед оборачивается:

- Иди. Я рядом.

Максим идёт. Шатается. Падает. Встаёт. Идёт. Дед смотрит. Молчит. Что-то в его лице меняется. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть.

Мать потом скажет:

- Он будто ждал этого.

Отец:

- Чего?

- Что кто-то пойдёт к нему. Просто так. Не спрашивая.

Отец:

- Он странный.

Мать:

- Он не странный. Он усталый.

Отец:

- Это одно и то же.

Мать не отвечает. Смотрит на деда и сына. На то, как они идут. На то, как падают. На то, как встают. На то, как молчат. На то, как понимают. Без слов. Без объяснений. Без всего. Просто - понимают. Потому что рядом. Потому что вместе. Потому что - семья.

А дед стоит. И смотрит. И молчит. И думает: «Он пошёл. Сам. Ко мне. Просто так. Не спрашивая. Не боясь. Не думая. Просто пошёл. Потому что я - рядом. Потому что я - здесь. Потому что я - дед. А дед - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё. Всё сразу. Всё вместе. Всё навсегда».

Максим подходит. Тянет за рукав. Дед смотрит на него. Сверху вниз. Как на что-то маленькое. Но важное. Что-то, что нужно защитить. Что-то, что нужно сохранить. Что-то, что нужно спасти.

- Иди, - говорит дед. - Я рядом.

Максим идёт. Снова. Шатается. Падает. Встаёт. Идёт. Дед смотрит. Молчит. И думает: «Он идёт. Ко мне. Потому что я - рядом. Потому что я - здесь. Потому что я - дед. А дед - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё».

Москва, 2004 год

Артём у матери на руках. Тяжёлый. Большой. Уже не младенец. Уже мальчик. С глазами. С руками. С пальцем. Который показывает. На стену. На фотографию. На деда.

- Это дед, - говорит мать.

- Дед, - повторяет Артём.

- Да. Дед.

Артём тянется к фотографии. Пальцы растопырены. Глаза широко. Он хочет. Он очень хочет. Он не знает, что хочет. Но хочет. Потому что это - дед. Потому что это - важно. Потому что это - навсегда.

Мать поднимает его. Выше. К стене. К фотографии. К де-

ду. Артём трогает стекло. Пальцы оставляют след. Маленький. Мутный. Как облачко. Как дыхание. Как жизнь.

Мать вытирает. Тряпкой. Медленно. Аккуратно. Будто стирает не пыль, а что-то другое. Что-то, что накопилось. Что-то, что мешало. Потом отходит. Смотрит. На стекло. На фотографию. На деда. На сына. На себя. В отражении. В том, что было. В том, что будет. В том, чего нет.

Артём снова трогает. Снова след. Снова облачко. Снова дыхание. Мать смеётся. Потом плачет. Потом смеётся снова. Потому что не знает, что делать. Потому что не может. Потому что не хочет. Потому что - мать. А мать - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё.

Бабушка заходит. Смотрит. На них. На стекло. На следы. На то, что остаётся. На то, что уходит. На то, что будет. На то, что уже было.

- Он же тебя видит каждый день, - говорит она. - А отца - нет.

Мать кивает. Не отвечает. Не может. Не хочет. Потому что знает. Потому что видит. Потому что помнит. Что отец - не видит. Не может. Не хочет. Потому что он - там. Где война. Где смерть. Где всё. Кроме жизни. Кроме сына. Кроме неё.

Артём не понимает. Не знает. Не чувствует. Он просто тянется. К матери. К бабушке. К фотографии. К деду. К тому, что есть. К тому, что будет. К тому, что никогда не будет.

Он не знает, что отец вернётся через полгода. И что он будет смотреть на него, как на чужого. Как на что-то, что не

понимает. Как на что-то, что боится. Как на что-то, что не может. Потому что он видел. Потому что он помнит. Потому что он не может. Как все. Кто был там. Кто вернулся. Кто молчит.

Он не знает. Он просто тянется. И это - правильно. Потому что дети тянутся. К тому, что любят. К тому, что нужно. К тому, что спасёт. Даже если это - фотография. Даже если это - стекло. Даже если это - след. Даже если это - ничего.

Мать смотрит на него. И думает: «Он не должен знать. Пока не должен. Пусть будет ребёнком. Пусть будет счастливым. Пусть будет. Хотя бы он. Хотя бы сейчас. Хотя бы немного».

Артём трогает стекло. Снова. След. Облачко. Дыхание. Мать вытирает. Снова. Тряпкой. Медленно. Аккуратно. Будто стирает не пыль, а что-то другое. Что-то, что накопилось. Что-то, что мешало. Что-то, что останется. Навсегда.

Киев, 2004 год

Первое слово Максима: «деда».

Дед впервые за год улыбается. Не плачет. Не может. Слезы высохли давно. Может, на войне. Может, после. Может, когда хоронил жену. Может, когда понял, что остался один. Он не знает. Он просто улыбается. И это - правильно. Потому что иногда улыбка - это тоже слёзы. Только без воды.

Мать:

- А мама?

Максим:

- Деда.

Дед берёт его на руки:

- Молодец. Правильно.

Мать обижена. Но не всерьёз. Она знает: дед для Максима - всё. Он с ним больше, чем отец. Он молчит, но он рядом. Он старый, но он здесь. Он усталый, но он - есть. А отец - нет. Отец - в телефоне. В новостях. В том, что важнее. В том, что не здесь. В том, что не сейчас. В том, что не дед. В том, что не сын. В том, что не жизнь.

Дед ставит Максима на пол. Идёт на кухню. Максим идёт за ним. Дед садится. Максим садится рядом. Дед молчит. Максим тоже. Мать смотрит на них. И думает: «Они как два старика. Один старый. Другой маленький. Но оба молчат. Оба понимают. Оба знают. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть».

Она не знает, что это молчание - не пустота. Это тайна. Тайна, которую дед не может рассказать. Тайна, которую Максим не может понять. Тайна, которую они оба чувствуют. Но не могут. Не умеют. Не хотят. Потому что слова - это слишком. Слишком много. Слишком больно. Слишком страшно. Слишком - навсегда.

Она не знает. Она просто смотрит. И думает. И надеется. И боится. И любит. И теряет. И находит. И снова теряет.

Дед молчит. Максим молчит. Мать смотрит. И думает: «Они как два старика. Один старый. Другой маленький. Но оба молчат. Оба понимают. Оба знают. Что-то, что нельзя на-

звать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть».

А дед сидит. И молчит. И думает: «Он сказал «деда». Первое слово. Не «мама». Не «папа». А «деда». Почему? Потому что я - рядом. Потому что я - здесь. Потому что я - дед. А дед - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё. Всё сразу. Всё вместе. Всё навсегда».

В Москве Артём засыпает на руках матери. Тихо. Спокойно. Не зная ничего. Не боясь ничего. Просто спит. И это - хорошо. Потому что сон - это единственное место, где нет войны. Где нет врагов. Где нет разделения. Где все - просто люди. Просто дети. Просто те, кто ещё не знает.

Мать смотрит на него. Долго. Молча. Думает о том, что теперь она - мать. Что у неё есть сын. Что она должна его защитить. От чего? От всего. От мира. От себя. От того, что будет. Она не знает, что будет. Никто не знает. Но она боится. Просто боится. Как бояться все матери. Как боялась её мать. Как будет бояться её сын, когда у него родятся дети.

В Киеве Максим засыпает на руках деда. Тихо. Спокойно. Не зная ничего. Не боясь ничего. Просто спит. И это - хорошо. Потому что сон - это единственное место, где нет войны. Где нет врагов. Где нет разделения. Где все - просто люди. Просто дети. Просто те, кто ещё не знает.

Дед смотрит на него. Долго. Молча. Что-то шепчет. Тихо. Так тихо, что никто не слышит. Даже он сам. Может, не шепчет. Может, просто губы двигаются. Может, просто дышит. Если бы кто-то прислушался, он услышал бы:

- Ты не спрашивай. Пока не спрашивай. Я сам не знаю, как рассказать.

Дед смотрит в окно. Думает: «Может, потом. Может, когда вырастет. Может, когда поймёт».

Глава 3. «Пятый год»

Москва, 2007 год

Квартира пахла лекарствами и старой мебелью. Запах въелся в обои, в шторы, в ковёр. Его не выветривали. К нему привыкли. Как привыкают ко всему, что нельзя изменить. Как привыкают к боли. Как привыкают к молчанию.

Мать сидела у окна. На стуле. Не двигалась. Смотрела на двор. На детей. На качели. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет. Она не плакала. Слёзы высохли. Может, вчера. Может, неделю назад. Может, когда поняла, что больше не может. Она просто сидела. И смотрела. И это было её способом быть. Её способом жить. Её способом ждать.

Отец стоял у стены. Руки в карманах. Смотрел на фотографию деда. На военную форму. На усталые глаза. На то, что нельзя понять. На то, что нельзя забыть. На то, что нельзя простить. Он не плакал. Мужчины не плачут. Так его учили. Так учил его отец. Так он учил бы своего сына. Если бы мог. Если бы умел. Если бы не молчал.

Артём был в комнате. Играл. На полу. С кубиками. С машинками. С чем-то, что не имело значения. Он не понимал, что происходит. Не знал, что умер дед. Не знал, что это - по-

хороны. Не знал, что это - навсегда. Он просто играл. Потому что был ребёнком. Потому что был пятилетним. Потому что не знал.

Он помнил только запах табака. И тяжёлую руку на голове. Больше ничего. Не помнил голоса. Не помнил лица. Не помнил слов. Только запах. Только тяжесть. Только что-то смутное. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что останется. Навсегда.

В день похорон Артёма оставили с бабушкой. Взрослые говорили шёпотом на кухне. Он слышал. Не понимал. Но слышал. Слова. Отдельные. Как капли. Как удары. Как что-то, что нельзя забыть.

- Ветеран.

- Воевал.

- Дошёл до Берлина.

Он знал эти слова. Слышал раньше. Много раз. Каждый год. Девятого мая. Но не понимал, что они значат. Не понимал, что за ними стоит. Не понимал, что за ними - жизнь. И смерть. И всё. Что за ними - дед. Который умер. Который не рассказал. Который молчал. Как все. Как всегда.

Он не помнил, что дед говорил о войне. Он был маленький. Не слушал. Или слушал, но забыл. Теперь не спросить. Теперь - поздно. Теперь - только запах. Только тяжесть. Только что-то смутное. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что останется. Навсегда.

Бабушка сидела рядом. На полу. С ним. С кубиками. С

машинками. С чем-то, что не имело значения. Она не плакала. Слезы высохли. Может, вчера. Может, неделю назад. Может, когда поняла, что больше не может. Она просто сидела. И смотрела. На него. На внука. На то, что осталось. На то, что будет. На то, чего нет.

Артём поднял голову. Посмотрел на неё. Спросил:

- А дед вернётся?

Бабушка заплакала. Наконец. Слезы пришли. Не спрашивая. Не предупреждая. Просто пришли. И потекли. По щекам. По морщинам. По тому, что было. По тому, что будет. По тому, чего нет.

- Нет, - сказала она. - Нет, милый. Не вернётся.

Артём не понял, почему она плачет. Не понял, почему «нет». Не понял, почему дед не вернётся. Он просто запомнил. Слова. Интонацию. Слезы. Всё. Как запоминают дети. Как запоминают все. Как запоминают навсегда.

Он не знал, что «Берлин» - это город. Что дед дошёл до него. Что там были другие люди. Что среди них были украинцы. Что они были вместе. Что они делили хлеб. Что они спасали друг друга. Что они молчали. Как все. Как всегда.

Ему никто не сказал. Пока не сказал. Потому что не могли. Потому что не хотели. Потому что не умели. Потому что слова застревали в горле. Как застревали у деда. Как застревают у всех. Кто видел. Кто помнит. Кто не может.

Он просто играл. С кубиками. С машинками. С чем-то, что не имело значения. Потому что был ребёнком. Потому

что был пятилетним. Потому что не знал.

А за окном - двор. Дети. Качели. Жизнь. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на него. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без деда. С ним. Рядом. Везде.

Москва, 2007 год

Артём на полу. Кубики. Строит башню. Красный на синий. Синий на жёлтый. Жёлтый на зелёный. Башня растёт. Высокая. Красивая. Он старается. Смотрит. Не дышит. Чтобы не упала. Чтобы не рассыпалась. Чтобы не исчезла.

Башня падает. Кубики разлетаются. По полу. Под диван. За шкаф. Везде. Артём смотрит на них. Не плачет. Просто смотрит. Долго. Молча. Как дед. Как все. Как всегда.

Бабушка заходит. Видит. Садится рядом. На пол. Тяжело. Колени хрустят. Она старая. Усталая. Но садится. Потому что нужно. Потому что он - здесь. Потому что он - внук. Потому что он - всё.

Артём смотрит на неё. Спрашивает:

- А дед вернётся?

Бабушка молчит. Долго. Смотрит на кубики. На пол. На то, что рассыпалось. На то, что можно собрать. На то, что нельзя. На то, что будет. На то, что уже было. На то, что никогда не будет.

Потом плачет. Тихо. Чтобы не испугать. Но плачет. Слёзы текут. По щекам. По морщинам. По тому, что было. По тому, что будет. По тому, чего нет.

- Нет, - говорит она. - Не вернётся.

Артём не понимает, почему она плачет. Не понимает, почему «нет». Не понимает, почему дед не вернётся. Он просто запоминает. Слова. Интонацию. Слезы. Всё. Как запоминают дети. Как запоминают все. Как запоминают навсегда.

Он берёт кубик. Ставит на другой. Башня растёт. Снова. Он старается. Смотрит. Не дышит. Чтобы не упала. Чтобы не рассыпалась. Чтобы не исчезла.

Он не знает, что «Берлин» - это город. Что дед дошёл до него. Что там были другие люди. Что среди них были украинцы. Что они были вместе. Что они делили хлеб. Что они спасали друг друга. Что они молчали. Как все. Как всегда.

Он не знает. Он просто строит. И это - правильно. Потому что дети строят. Даже когда всё рушится. Даже когда всё падает. Даже когда всё - против них. Они строят. Потому что не знают. Что это - больно. Что это - страшно. Что это - навсегда.

Бабушка смотрит на него. И думает: «Он строит. Как будто ничего не случилось. Как будто дед не умер. Как будто всё хорошо. И это - правильно. Пусть строит. Пусть не знает. Пусть будет ребёнком. Пусть будет счастливым. Пусть будет. Хотя бы он. Хотя бы сейчас. Хотя бы немного».

Киев, 2007 год

Комната пахла табаком и старыми книгами. Запах въелся в обои, в шторы, в ковёр. Его не выветривали. К нему привыкли. Как привыкают ко всему, что нельзя изменить. Как

привыкают к боли. Как привыкают к молчанию.

Максим на диване. Ноги болтаются. Не достают до пола. Он смотрит на деда. Дед в кресле. Молчит. Смотрит в стену. Он не двигается. Не говорит. Просто сидит. И это - его способ быть. Его способ жить. Его способ ждать.

Максим дёргает его за рукав:

- Расскажи.

Дед не оборачивается. Не смотрит. Не отвечает. Долго. Молчит. Потом:

- Нечего рассказывать.

Максим:

- А про войну?

Дед:

- Нечего.

Встаёт. Выходит. Медленно. Тяжело. Колени хрустят. Он старый. Усталый. Но встаёт. Потому что не может. Потому что не хочет. Потому что не умеет. Говорить. Рассказывать. Вспоминать. Всё. Что было. Что есть. Что будет.

Мать на кухне. Слышала. Говорит:

- Он же спрашивает. Расскажи ему что-нибудь.

Дед качает головой:

- Что я ему расскажу? Что там было? Он не поймёт.

Мать:

- Он поймёт.

Дед:

- Нет. Он не должен понимать. Пока не должен.

Максим слышит из-за двери. Не понимает, что значит «пока». Запоминает. Слово. Интонацию. Всё. Как запоминают дети. Как запоминают все. Как запоминают навсегда.

Он не знает, что дед боится не того, что Максим не поймёт. А того, что он поймёт. И осудит. И что там были русские. И что они были вместе. И что они делили хлеб. И что они спасали друг друга. И что они молчали. Как все. Как всегда.

Дед стоит в коридоре. Смотрит на дверь. За которой - внук. Который спрашивает. Который хочет. Который ждёт. И он не может. Не умеет. Не хочет.

Он идёт на кухню. Садится. Закуривает. Дым поднимается. К потолку. К тому, что было. К тому, что будет. К тому, чего нет. Он смотрит на дым. И думает: «Может, потом. Может, когда вырастет. Может, когда поймёт. Может, когда я смогу. Когда-нибудь. Потом».

Максим выходит из комнаты. Идёт на кухню. Садится рядом. Молчит. Дед смотрит на него. Сверху вниз. Как на что-то маленькое. Но важное. Что-то, что нужно защитить. Что-то, что нужно сохранить. Что-то, что нужно спасти.

- Ты чего? - спрашивает дед.

Максим:

- Ничего. Просто сажу.

Дед:

- Иди играй.

Максим:

- Не хочу.

Дед:

- Почему?

Максим:

- Хочу с тобой.

Дед молчит. Долго. Смотрит на него. Потом:

- Сиди.

Максим сидит. Молчит. Дед сидит. Молчит. Оба молчат. Потому что иногда молчание - это единственное, что остаётся. И иногда - это лучшее, что можно дать. Просто быть рядом. Просто сидеть. Просто молчать. Вместе.

Мать заходит. Смотрит на них. На деда. На сына. На то, как они сидят. Молчат. Понимают. Без слов. Без объяснений. Без всего. Просто - понимают. Потому что рядом. Потому что вместе. Потому что - семья.

Москва. Похороны

Кладбище пахло землёй и венками. Свежими. С мокрыми лентами. С буквами. С чем-то, что нельзя прочитать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть.

Люди в чёрном. Много. Старые. Молодые. С палочками. С детьми. С лицами. С глазами. С тем, что нельзя назвать. Они стояли. Молчали. Смотрели. На гроб. На фотографию. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет.

Артём стоял в стороне. Держал бабушку за руку. Крепко. Чтобы не упала. Чтобы не ушла. Чтобы не исчезла. Бабушка плакала. Тихо. Чтобы не пугать. Но плакала. Слёзы текли.

По щекам. По морщинам. По тому, что было. По тому, что будет. По тому, чего нет.

На фотографии деда - военная форма. Молодой человек. Усталые глаза. Без наград. Без подписи. Без всего. Просто - человек. Который воевал. Который дошёл до Берлина. Который молчал. Как все. Как всегда.

Все говорили:

- Ветеран.

- Воевал.

- Дошёл до Берлина.

Артём знал эти слова. Слышал раньше. Много раз. Каждый год. Девятого мая. Но не понимал, что они значат. Не понимал, что за ними стоит. Не понимал, что за ними - жизнь. И смерть. И всё. Что за ними - дед. Который умер. Который не рассказал. Который молчал. Как все. Как всегда.

Он смотрел на фотографию. Долго. Молча. На молодого человека в форме. На усталые глаза. На то, что нельзя понять. На то, что нельзя забыть. На то, что нельзя простить.

Он знал: это его дед. Но не помнил голоса. Не помнил лица. Не помнил слов. Только запах табака. Только тяжёлую руку на голове. Только что-то смутное. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что останется. Навсегда.

Он отвернулся. Пошёл к бабушке. Она плакала. Он не понимал. Стоял рядом. Молчал. Как дед. Как все. Как всегда.

А за кладбищем - город. Люди. Машины. Жизнь. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на него. Не

понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без деда. С ним. Рядом. Везде.

Киев. Шкаф

Шкаф был старый. Тёмный. С резьбой. С дверцей, которая скрипела. С полками, которые прогибались. С чем-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть.

Максим открыл дверцу. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. На верхней полке - коробка. Старая. Картонная. С надписью. Неразборчивой. Стёртой. Как всё. Что было. Что есть. Что будет.

Он достал коробку. Поставил на пол. Открыл. Внутри - фотографии. Много. Чёрно-белые. Пожелтевшие. С загнутыми углами. С чем-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть.

Он взял одну. Дед в военной форме. Молодой. Усталые глаза. Без наград. Без подписи. Без всего. Просто - человек. Который воевал. Который дошёл до чего-то. Который молчал. Как все. Как всегда.

Дед зашёл. В комнату. Тихо. Неслышно. Как все старики. Как все, кто привык не мешать. Он увидел. Коробку. Фотографии. Внука. На полу. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Максим поднял голову. Спросил:

- Дед, а это кто?

Дед молчал. Долго. Смотрел на фотографию. На себя. Мо-

лодого. Усталого. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

- Это я, - сказал он.

Максим:

- А где?

Дед:

- Далеко.

Забрал фотографию. Кладёт обратно. В коробку. Закрывает. Ставит на полку. Закрывает шкаф. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали.

Максим смотрел на шкаф. На дверцу. На резьбу. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он знал, что дед воевал. Это не секрет. Но в какой войне - он не помнил. Думал: может, Афганистан. Может, что-то ещё. Дед никогда не уточнял.

Максим пытался вспомнить, слышал ли он когда-нибудь от деда слово «война». Нет. Дед никогда не говорил этого слова. Он говорил «там». Или «тогда». Или ничего. Или молчал. Как все. Как всегда.

Максим смотрел на закрытый шкаф. Что-то внутри говорило: «Ты ещё вернёшься к нему». И он возвращался. Через год. Через два. Каждый раз - открывал. Смотрел. Закрывал. Пока не понял. Что за шкафом - не просто фотографии. Что за шкафом - тайна. Которую дед не может рассказать. Которую Максим не может понять. Которую они оба чувству-

ют. Но не могут. Не умеют. Не хотят. Потому что слова - это слишком. Слишком много. Слишком больно. Слишком страшно. Слишком - навсегда.

Дед стоял в коридоре. Смотрел на дверь. За которой - внук. Который спрашивает. Который хочет. Который ждёт. И он не может. Не умеет. Не хочет. Потому что слова застревают в горле. Как застревали у его отца. Как застревают у всех. Кто видел. Кто помнит. Кто не может.

Он думал: «Может, потом. Может, когда вырастет. Может, когда поймёт. Может, когда я смогу. Когда-нибудь. Потом».

Параллель

В Москве Артём смотрел на фотографию деда на стене. Долго. Молча. На молодого человека в форме. На усталые глаза. На то, что нельзя понять. На то, что нельзя забыть. На то, что нельзя простить.

Он спросил мать:

- А он был хорошим?

Мать ответила:

- Да. Он был хорошим.

Артём:

- А почему он не рассказывал?

Мать:

- Потому что война - это не то, о чём говорят просто так.

Артём не понял. Не понял, почему «не то». Не понял, почему «просто так». Не понял, почему нельзя. Он просто запомнил. Слова. Интонацию. Всё. Как запоминают дети. Как

запоминают все. Как запоминают навсегда, что «война» - это не слово. Это - жизнь. И смерть. И всё. Что за этим словом - дед. Который умер. Который не рассказал. Который молчал. Как все. Как всегда.

В Киеве Максим смотрел на закрытый шкаф. Долго. Молча. На дверцу. На резьбу. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он спросил деда:

- А ты был хорошим?

Дед молчал. Долго. Смотрел на него. Сверху вниз. Как на что-то маленькое. Но важное. Что-то, что нужно защитить. Что-то, что нужно сохранить. Что-то, что нужно спасти.

Потом сказал:

- Я был разным. Как все.

Максим не понял. Не понял, почему «разным». Не понял, почему «как все». Не понял, почему нельзя просто сказать «да» или «нет».

Глава 4 «Первый класс»

Москва, 2009 год

Первое сентября пахло краской и мокрым асфальтом. Ночью прошёл дождь, и теперь двор школы блестел лужами. В лужах отражалось небо - серое, низкое, осеннее. Дети с портфелями. Банты. Гладиолусы. Галстуки. Всё новое. Всё наглаженное. Всё непривычное.

Мать вела Артёма за руку. Крепко. Как будто боялась, что

он вырвется. Убежит. Исчезнет. Но он не вырывался. Шёл. Ровно. Спокойно. Смотрел на других. На их лица. На их страх. На их радость. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он не волновался. Не боялся. Не радовался. Просто шёл. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что все идут. Потому что - первый класс. Потому что - начало. Чего? Он не знал. Никто не знал. Но все шли. И он шёл.

Мать остановилась у ворот. Присела. Поправила воротник. Гладиолусы. Портфель. Всё. Как надо. Как правильно. Как у всех.

- Ты не бойся, - сказала она.

Артём посмотрел на неё. Сверху вниз. Как на что-то маленькое. Но важное. Что-то, что нужно успокоить. Что-то, что нужно защитить. Что-то, что нужно спасти.

- Я не боюсь, - сказал он.

И это была правда. Он не боялся. Не потому, что был смелым. А потому, что не понимал. Чего бояться. Что может случиться. Что будет. Он просто стоял. И смотрел. И ждал. Когда начнётся. Когда кончится. Когда всё будет. Как всегда.

Мать улыбнулась. Через силу. Потому что надо. Потому что он смотрит. Потому что он ждёт. Потому что он - сын. А сын не должен видеть. Не должен знать. Не должен понимать. Пока не должен.

Она поцеловала его в лоб. Отпустила руку. Подтолкнула к воротам. Он пошёл. Не оборачиваясь. Потому что так надо.

Потому что так правильно. Потому что так - взрослые. Они не оборачиваются. Они идут вперёд. Даже когда не знают, что там. Даже когда боятся. Даже когда хотят обернуться. Но не оборачиваются. Потому что - взрослые. Потому что - надо.

Класс пах мелом и новыми учебниками. Парты. Стулья. Доска. Цветы на столе. Всё новое. Всё чужое. Всё непривычное.

Артём сел за парту. У окна. Чтобы видеть двор. Чтобы видеть, как мать уходит. Чтобы видеть, как она оборачивается. Один раз. Второй. Третий. Пока не исчезнет. Пока не станет маленькой точкой. Пока не растворится в городе. В жизни. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он открыл тетрадь. Новую. Чистую. Белую. С запахом бумаги. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Зачем он здесь. Не знал, что будет. Не знал, что писать. Но он был здесь. И это - правильно. Потому что иногда просто быть - это уже достаточно. Просто сидеть. Просто смотреть. Просто ждать. Когда начнётся. Когда кончится. Когда всё будет.

Учительница вошла. Молодая. Улыбающаяся. С журналом. С указкой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Она встала у доски. Посмотрела на них. На детей. На их лица. На их страх. На их радость. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

- Здравствуйте, дети, - сказала она. - Я ваша учительница.

Они ответили хором. Нестройно. Кто-то громче. Кто-то тише. Кто-то молчал. Как всегда. Как все. Как везде.

Она начала перекличку. Читала фамилии. Дети поднимали руки. Или говорили «я». Или молчали. Пока не дошли до него.

- Артём Соколов.

Он поднял руку. Не сразу. Медленно. Как будто не был уверен. Как будто не знал. Как будто не хотел. Но поднял. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - он.

Учительница посмотрела на него. Улыбнулась. Спросила:

- Кто твой дед?

Артём не понял. Почему дед? Почему сейчас? Почему здесь? Но ответил. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - дед.

- Ветеран, - сказал он. - Дошёл до Берлина.

Учительница кивнула. Записала что-то в журнал. Спросила:

- А где воевал?

Артём:

- На фронте. Как все.

Учительница:

- А подробнее?

Артём:

- Не помню. Он умер, когда мне было пять.

Учительница:

- А родители не рассказывали?

Артём:

- Говорят: «Это святое. Не спрашивай».

Учительница замолчала. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом кивнула. Перешла к следующему. К другой фамилии. К другой жизни. К другой судьбе. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Артём молчал. Смотрел в тетрадь. На чистую страницу. На белое. На пустое. На то, что можно заполнить. На то, что можно испортить. На то, что можно оставить. Как есть. Как было. Как будет.

Он знал факт. Ветеран. Берлин. Война. Но не помнил человека. Не помнил голоса. Не помнил лица. Не помнил слов. Только запах табака. Только тяжёлую руку на голове. Только что-то смутное. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть.

Киев, 2009 год

Школьный двор пах мокрым асфальтом и опавшими листьями. Первое сентября. Но листья уже падали. Как будто осень пришла раньше. Как будто знала. Как будто ждала. Как будто - навсегда.

Дед вёл Максима за руку. Крепко. Как будто боялся, что он вырвется. Убежит. Исчезнет. Но Максим не вырывался. Шёл. Ровно. Спокойно. Смотрел на других. На их лица. На

их страх. На их радость. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

У школы остановились. Дед присел. Тяжело. Колени хрустнули. Он старый. Усталый. Но присел. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - внук. Потому что - начало. Потому что - всё.

Он посмотрел на Максима. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказал:

- Учись. Но думай сам.

Максим:

- А как?

Дед:

- Сам. Я не скажу.

Встал. Медленно. Тяжело. Колени хрустнули снова. Отпустил руку. Пошёл. Не оборачиваясь. Потому что так надо. Потому что так правильно. Потому что так - взрослые. Они не оборачиваются. Они идут вперёд. Даже когда не знают, что там. Даже когда боятся. Даже когда хотят обернуться. Но не оборачиваются. Потому что - взрослые. Потому что - надо.

Максим смотрел вслед. Долго. Молча. На спину. На сиди-ну. На то, как дед идёт. Медленно. Тяжело. Как солдат. Как все. Как всегда. Он не понимал. Почему «думай сам». Почему «я не скажу». Почему нельзя просто сказать. Просто объяснить. Просто помочь.

Класс пах мелом и старыми книгами. Парты. Стулья. Доска. Цветы на столе. Всё чужое. Всё непривычное. Всё - новое.

Максим сел за парту. У окна. Чтобы видеть двор. Чтобы видеть, как дед уходит. Чтобы видеть, как он не оборачивается. Чтобы видеть, как он исчезает. За углом. За поворотом.

Учительница вошла. Немолодая. Усталая. С журналом. С указкой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Она встала у доски. Посмотрела на них. На детей. На их лица. На их страх. На их радость. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

- Здравствуйте, дети, - сказала она. - Я ваша учительница.

Они ответили хором. Нестройно. Кто-то громче. Кто-то тише. Кто-то молчал. Как всегда. Как все. Как везде.

Она начала перекличку. Читала фамилии. Дети поднимали руки. Или говорили «я». Или молчали. Пока не дошли до него.

- Максим Коваленко.

Он поднял руку. Не сразу. Медленно. Как будто не был уверен. Как будто не знал. Как будто не хотел. Но поднял. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - он.

Учительница посмотрела на него. Спросила:

- Кто твой дед?

Максим не понял. Почему дед? Почему сейчас? Почему здесь? Он не знал. Но ответил. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - дед.

- Ветеран, - сказал он.

Учительница:

- А где воевал?

Максим:

- Не знаю.

Учительница:

- Спроси у него.

Максим:

- Я спрашивал. Он не говорит.

Учительница замолчала. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом кивнула. Перешла к следующему. К другой фамилии. К другой жизни. К другой судьбе. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Максим молчал. Смотрел в тетрадь. На чистую страницу. На белое. На пустое. На то, что можно заполнить. На то, что можно испортить. На то, что можно оставить. Как есть. Как было. Как будет.

Он понимал: она тоже не знает. Учительница. Взрослая. Умная. С журналом. С указкой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Она тоже не знает. И это было странно. И страшно. И правильно. Потому что иногда не знать - это единственное, что остаётся. Единственное, что объединяет. Единственное, что - правда.

Он открыл тетрадь. Написал что-то. Неважное. Незначительное. Не то. Потому что не знал, что писать. Потому что

не знал, зачем. Потому что не знал, что будет. Он просто писал.

Москва. Урок мужества

Урок мужества. Так называлось. Урок. Мужества. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Учительница у доски. Рассказывала о войне. О Великой Отечественной. О подвигах. О героях. О том, как важно помнить. О том, как важно чтить. О том, как важно - не забывать.

Артём слушал. Не понимал. Не понимал, при чём тут его дед. Не понимал, почему это - про него. Не понимал, почему это - про всех. Не понимал, почему это - про него. Про Артёма. Про мальчика. Который сидел за партой. У окна. С тетрадью. С ручкой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он поднял руку. Учительница кивнула. Он спросил:

- А мой дед тоже воевал?

Учительница:

- Да. Все воевали.

Артём:

- А где?

Учительница:

- Это надо спросить у семьи.

Артём:

- У меня нет семьи, которая знает.

Учительница:

- Спроси у мамы.

Артём:

- Мама не знает.

Учительница:

- Тогда у бабушки.

Артём:

- Бабушка плачет.

Учительница замолчала. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом кивнула. Перешла к другому. К другой теме. К другому уроку. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Артём понял: никто не знает. Никто. Ни учительница. Ни мама. Ни бабушка. Никто. Только дед. Который умер. Который не рассказал. Который молчал.

Он смотрел в учебник. На фотографии. На солдат. На лица. На глаза. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Не его дед. Просто фотография. Просто солдаты. Просто люди. Которые воевали. Которые умирали. Которые молчали. Как все. Как всегда.

Его дед - другой. Но не помнил, какой. Не помнил, как выглядел. Не знал, как говорил. Не знал, как молчал. Знал только, что - был. Что - воевал. Что - дошёл. До Берлина. До чего-то. До того, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он закрыл учебник. Положил на парту. Посмотрел в окно.

На двор. На детей. На качели. На жизнь. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на него. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без деда. С ним. Рядом. Везде.

Он думал: «Я знаю, что он воевал. Но я не знаю его. Не знаю, какой он был. Не знаю, что он любил. Не знаю, чего боялся. Не знаю, о чём молчал. Я знаю только факт. Ветеран. Берлин. Война. И это - всё. Всё, что осталось. Всё, что есть. Всё, что будет».

Киев. Урок истории

Урок истории. Учитель у карты. Большой. С указкой. С очками. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Рассказывал о казаках. О гетманах. О битвах. О том, как важно знать. О том, как важно помнить. О том, как важно - не забывать.

Максим слушал. Не понимал. Не понимал, при чём тут его дед. Не понимал, почему это - про него. Не понимал, почему это - про всех. Не понимал, почему это - про него. Про Максима. Про мальчика. Который сидел за партой. У окна. С тетрадью. С ручкой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он поднял руку. Учитель кивнул. Он спросил:

- А мой дед воевал?

Учитель:

- Спроси у деда.

Максим:

- Он не говорит.

Учитель:

- Тогда не спрашивай.

Максим:

- Почему?

Учитель:

- Потому что не все хотят вспоминать.

Максим замолчал. Посмотрел на учителя. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом кивнул. Отвернулся. К окну. К двору. К жизни. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на него. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без деда. С ним. Рядом. Везде.

Дом. Кухня. Дед сидит. Молчит. Смотрит в стену.

Максим заходит. Садится рядом. Молчит. Долго. Потом спрашивает:

- Дед, а ты воевал с казаками?

Дед:

- Нет.

Максим:

- А с кем?

Дед:

- Не с казаками.

Максим:

- А с кем?

Дед:

- Потом.

Максим:

- Когда потом?

Дед:

- Когда вырастешь.

Максим:

- Я уже вырос.

Дед:

- Нет. Ещё нет.

Встаёт. Выходит. Медленно. Тяжело. Колени хрустят. Он старый. Усталый. Но встаёт. Потому что не может. Потому что не хочет. Потому что не умеет. Говорить. Рассказывать. Вспоминать. Всё. Что было. Что есть. Что будет.

Максим остаётся. Один. На кухне. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не понимает, что значит «ещё нет». Думает: «Я уже большой. Я всё понимаю». Он не знает, что «ещё нет» - это правда. Что он ещё не понимает. Что он ещё не готов. Что он ещё не видел. Что он ещё не знает. Что он ещё не - он.

Но он запоминает. Слова. Интонацию. Всё. Как запоминают дети. Как запоминают все. Как запоминают навсегда. Он запоминает. И это - правильно. Потому что иногда запомнить - это единственное, что можно. Единственное, что остаётся. Единственное, что - правда.

Параллель

В Москве Артём записывал в тетрадь. Медленно. Аккуратно. Печатными буквами. Чтобы было понятно. Чтобы было видно. Чтобы было - навсегда.

«Дед воевал. ВОВ. Берлин».

Он закрыл тетрадь. Посмотрел на неё. На обложку. На буквы. На то, что написал. На то, что знал. На то, что не знал. Не понимал, зачем он это записал. Но что-то внутри говорило: это важно. Это нужно. Это останется. Навсегда.

В Киеве Максим записывал в тетрадь. Медленно. Аккуратно. Печатными буквами. Чтобы было понятно. Чтобы было видно. Чтобы было - навсегда.

«Дед воевал. В какой войне - не знаю».

Он закрыл тетрадь. Посмотрел на неё. На обложку. На буквы. На то, что написал. На то, что не знал. На то, что хотел узнать. Не понимал, зачем он это записал. Но что-то внутри говорило: это важно. Это нужно. Это останется. Навсегда.

Он не знал, что «не знаю» - это тоже ответ. Что за ним - молчание. Что за ним - дед. Который не рассказал. Который не мог. Который не хотел. Что за ним - всё. Что за ним - жизнь. И смерть. И всё. Что за ним - то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Оба закрыли тетради. Оба не понимали, зачем они это записали. Но что-то внутри говорило: это важно. Это нужно. Это останется. Навсегда.

Они шли домой. Артём смотрел на фотографию деда. Максим смотрел на закрытый шкаф. Оба думали: «Я узнаю».

Они не знали, что узнают. Через двадцать лет. В подвале. Когда увидят врага. Который окажется не врагом. И когда поймут: они узнали. Но не то, что искали. И то, что искали. Одновременно.

Они не знали. Они просто шли. И это - правильно. Потому что иногда идти - это единственное, что можно. Единственное, что остаётся. Единственное, что - правда.

И оба мальчика шли домой. И обе матери ждали. И оба деда молчали. И обе жизни начинались. И обе смерти ждали. В подвале. В прошлом. В будущем. Везде.

Глава 5. «2014»

Москва, 2014 год

Квартира пахла весной и новостями. Весна была настоящая - с тополиным пухом, с солнцем, с первой зеленью. Новости были другие - с дымом, с огнём, с тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Телевизор работал. Громко. Чтобы слышать из кухни. Чтобы не пропустить. Чтобы быть в курсе. Чтобы знать. Что там. Что здесь. Что будет.

Артём на диване. Двенадцать лет. Уже не ребёнок. Ещё не взрослый. Что-то между. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть. Он смотрел в экран. Не мигая. Не отвлекаясь. Не думая. Просто смотрел.

На экране уже история - Киев. Толпа. Дым. Огонь. Люди с палками. Люди с щитами. Люди с лицами. С глазами. С тем,

что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Диктор говорил. Быстро. Чётко. Уверенно. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

«Киев - фашисты».

Отец у окна. Стоял. Руки в карманах. Смотрел на улицу. На площадь. На людей. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет. Он не смотрел телевизор. Не слушал. Не хотел. Но слышал. Потому что громко. Потому что нельзя не слышать. Потому что - везде. Потому что - всегда.

Он сказал. Не оборачиваясь. Тихо. Но Артём услышал:

- Там наших бьют.

Артём не понял. Кого? Каких наших? Почему бьют? За что? Кто бьёт? Он не понимал.

Мать зашла. Из кухни. Вытерла руки о полотенце. Посмотрела на телевизор. На экран. На Киев. На дым. На огонь. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Подошла. Выключила. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего.

Артём:

- А что там?

Мать:

- Война.

Артём:

- А почему?

Мать:

- Потому что там фашисты.

Артём:

- А кто такие фашисты?

Мать:

- Плохие люди.

Артём:

- А почему они в Киеве?

Мать:

- Потому что так получилось.

Артём:

- А мы?

Мать:

- А мы - хорошие.

Артём:

- А почему?

Мать:

- Потому что мы защищаем.

Артём:

- Кого?

Мать:

- Наших.

Артём:

- А кто наши?

Мать:

- Русские.

Артём:

- А украинцы?

Мать замолчала. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказала:

- Они тоже наши. Но там фашисты.

Артём не понял. Не понял, как украинцы могут быть «наши», если там фашисты. Не понял, почему «тоже». Не понял, почему «но». Он думал: «Как украинцы могут быть наши, если там фашисты? Как фашисты могут быть украинцами? Как украинцы могут быть нашими? Как всё это - вместе? Как всё это - правда?»

Он не знал, что это - ложь. Или половина правды. Или правда, которую нельзя понять. Пока нельзя. Потому что он - ребёнок. Потому что он - двенадцатилетний. Потому что он - здесь. А не там. Не в Киеве. Не в дыму. Не в огне. Не в том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

А пока за окном - площадь. Люди. Георгиевские ленты. Праздник. Девятое мая. Но в телевизоре - война. И это было странно. И страшно. И правильно. Потому что так бывает. Потому что так всегда. Потому что - жизнь.

Киев, 2014 год

Квартира пахла весной и тревогой. Весна была настоящая - с каштанами, с солнцем, с первой зеленью. Тревога была другая - с дымом, с огнём, с тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Телевизор работал. Громко. Чтобы слышать из кухни.

Чтобы не пропустить. Чтобы быть в курсе. Чтобы знать. Что там. Что здесь. Что будет.

Максим на диване. Двенадцать лет. Уже не ребёнок. Ещё не взрослый. Что-то между. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть. Он смотрел в экран. Не мигая. Не отвлекаясь. Не думая. Просто смотрел.

На экране - Киев. Толпа. Дым. Огонь. Люди с палками. Люди с щитами. Люди с лицами. С глазами. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Диктор говорил. Быстро. Чётко. Уверенно. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

«Россия напала».

Дед у окна. Стоял. Руки в карманах. Смотрел на улицу. На площадь. На людей. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет. Он не смотрел телевизор. Не слушал. Не хотел. Но слышал. Потому что громко. Потому что нельзя не слышать. Потому что - везде. Потому что - всегда.

Он подошёл. Выключил. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Максим посмотрел на него. Снизу вверх. Как на что-то большое. Но старое. Что-то, что нужно понять. Что-то, что нужно защитить. Что-то, что нужно спасти.

Максим:

- Дед, а кто напал?

Дед:

- Никто. Спи.

Максим:

- А почему по телевизору говорят?

Дед:

- Потому что телевизор врёт.

Максим:

- А что не врёт?

Дед:

- Ничего. Спи.

Максим не спит. Лежит. В кровати. Слышит, как дед ходит по квартире. Медленно. Тяжело. Как солдат. Как все. Как всегда. Слышит, как дед что-то бормочет. Тихо. Неразборчиво. Не понимает слов. Но чувствует: дед боится. Не знает чего. Не знает почему. Но чувствует. Как чувствуют все. Как чувствуют дети. Как чувствуют - навсегда.

Он не знает, чего боится дед. Не знает, что дед видел. Не знает, что дед помнит. Не знает, что дед знает. Что будет. Что уже было. Что никогда не пройдёт. Он просто знает: что-то не так. Что-то неправильно. Что-то - не то. И это «не то» - везде. В телевизоре. В новостях. В словах. В молчании. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Киев, 2014 год. Утро

Утром дед молчал. Сидел на кухне. С чашкой. С сигаретой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Не смотрел на Максима. Не говорил. Не объяснял. Просто сидел. И молчал. .

Максим не спрашивал. Взял портфель. Пошёл в школу. Молча. По улице. Мимо людей. Мимо машин. Мимо того, что было. Мимо того, что будет. Мимо того, чего нет. Он не понимал, что происходит. Не знал, что будет. Но чувствовал: что-то изменилось. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Школа пахла мелом и тревогой. Учительница у доски. Немолодая. Усталая. С указкой. С журналом. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Она говорила. Быстро. Чётко. Уверенно. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

«Россия - агрессор».

Максим поднял руку. Учительница кивнула. Он спросил:

- А почему?

Учительница:

- Потому что они напали.

Максим:

- А мы?

Учительница:

- А мы защищаемся.

Максим:

- А кто прав?

Учительница:

- Мы.

Максим:

- А почему?

Учительница:

- Потому что мы - за свободу.

Максим не понял. Не понял, почему «мы». Не понял, почему «правы». Не понял, почему «за свободу». Он думал: «А русские - за что? А они не за свободу? А они не правы? А они не люди? А они не - как мы?»

Москва, 2014 год. Комната Артёма

Комната пахла бумагой и красками. Стол. Бумага. Карандаши. Фломастеры. Всё простое. Всё понятное. Всё - своё. Артём сидел. Рисовал. Молча. Сосредоточенно. Как все дети. Как все. Как всегда.

Он рисовал танк. Большой. С башней. С пушкой. С гусеницами. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не знал, зачем. Не знал, почему. Просто рисовал. Потому что видел. По телевизору. В новостях. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Мать зашла. Посмотрела. На рисунок. На танк. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Спросила:

- Почему танк?

Артём:

- Папа говорил, там война.

Мать забрала рисунок. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Артём:

- Отдай.

Мать:

- Не надо.

Артём:

- Почему?

Мать:

- Потому что это не игра.

Артём не понял. Не понял, почему «не игра». Не понял, почему нельзя. Не понял, почему - не надо.

Мать спрятала рисунок в ящик. В стол. В темноту. В то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Ушла. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего.

Артём нашёл его через день. В ящике. Среди бумаг. Среди того, что не нужно. Среди того, что забыли. Среди того, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он достал. Посмотрел. На танк. На то, что нарисовал. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Взял карандаш. Дорисовал солнце. Большое. Жёлтое. Яркое. Чтобы было не так страшно. Чтобы было - как надо. Чтобы было - правильно.

Мать нашла рисунок с солнцем. Молчала. Долго. Смотрела. На танк. На солнце. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказала:

- Красиво.

Артём:

- Да.

Мать:

- Ты не рисуй больше танки.

Артём:

- Почему?

Мать:

- Потому что танки - это плохо.

Артём:

- А папа?

Мать:

- Папа - это другое.

Артём:

- Чем?

Мать:

- Тем, что папа защищает.

Артём:

- А танк?

Мать:

- Танк убивает.

Артём:

- А папа?

Мать замолчала. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом отвернулась. К окну. К улице. К жизни. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на неё. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Как шла всегда. Как будет идти. Как идёт сейчас. Без неё. С ней. Рядом. Везде.

Она не знала, что сказать. Не знала, как объяснить. Не знала, как - правду. Потому что правда была сложной. Потому что правда была страшной. Потому что правда была - не для детей. Не для него. Не для Артёма. Пока не для него. Пока он не вырастет. Пока не поймёт. Пока не увидит. Пока не узнает.

Артём не знал. Он просто сидел. Смотрел на рисунок. На танк. На солнце. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Киев, 2014 год. Комната Максима

Комната пахла бумагой и красками. Стол. Бумага. Карандаши. Фломастеры. Всё простое. Всё понятное. Всё - своё. Максим сидел. Рисовал. Молча. Сосредоточенно. Как все дети. Как все. Как всегда.

Он рисовал дом. Большой. С крышей. С окнами. С дверью. С трубой. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не знал, зачем. Не знал, почему. Просто рисовал. Потому что хотел. Потому что - дом. Потому что - хорошо. Потому что - как надо.

Дед зашёл. Посмотрел. На рисунок. На дом. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Спросил:

- Почему дом?

Максим:

- Чтобы все дома были.

Дед долго смотрел. На рисунок. На дом. На то, что нельзя

назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом ушёл. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего.

Максим:

- Дед, тебе не нравится?

Дед:

- Нравится. Просто... дома не всегда есть.

Максим не понял. Не понял, почему «не всегда». Не понял, почему «просто». Не понял, почему - не есть. Он думал: «Дом - это же хорошо. Дом - это же всегда. Дом - это же - дом». Он не знал, что у деда был дом, который сгорел. Что дед видел, как дома исчезают. Что дед помнит, как это - терять. Всё. Что было. Что есть. Что будет. Что - навсегда.

Максим повесил рисунок на стену. На гвоздик. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Дед вернулся. Посмотрел на рисунок. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказал:

- Хороший дом.

Ушёл. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Максим не понял, почему дед сказал это так, будто прощается. Не знал, что дед видит в этом рисунке свой дом. Которого нет. Который он не может вернуть. Который - только в памяти. Только в рисунке. Только в том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он просто смотрел на рисунок. На дом. На то, что нарисовал. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя

забыть. И молчал. Как дед. Как все. Как всегда.

Параллель

Два рисунка. Танк и дом. В Москве мать прячет рисунок Артёма. В ящик. В темноту. В то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. В Киеве дед вешает рисунок Максима на стену. На гвоздик. На свет. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Оба ребёнка не понимают, почему взрослые так реагируют. Они просто рисуют то, что чувствуют. Артём чувствует, что папа где-то там, где война. Максим чувствует, что дед где-то там, где боль. Оба правы. Оба не знают, что их чувства - об одном и том же. О том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. О том, что будет. Через восемь лет. В подвале. С автоматами. С врагами. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Они не знали. Они просто рисовали. И это - правильно. Потому что дети рисуют. Даже когда всё рушится. Даже когда всё падает. Даже когда всё - против них. Они рисуют. Потому что не знают. Что это - больно. Что это - страшно. Что это - навсегда.

В Москве Артём смотрит на рисунок. На танк. На солнце. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. И думает: «Я не буду танкистом. Я буду кем-то другим. Кем-то хорошим. Кем-то, кто не убивает. Кем-то, кто - как папа. Но не так. Лучше. Правильнее. Чтобы мама не плакала. Чтобы никто не плакал. Чтобы - как надо».

Оба мальчика засыпали. В разных городах. В разных комнатах. С разными мыслями. С разными страхами. С разными надеждами. Но с одним чувством. Что что-то не так. Что что-то будет. Что что-то - не то. И что это «не то» - везде. В телевизоре. В новостях. В словах. В молчании. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Глава 6. «Дед и внук»

Москва, 2016 год

Артём за столом. Четырнадцать лет. Уже не ребёнок. Ещё не взрослый. Что-то между. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть. Он ел. Молча. Смотрел в тарелку. На борщ. На сметану. На хлеб. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет.

Мать у плиты. Стояла. Спиной. Готовила. Или делала вид. Или просто стояла. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - мать. А мать - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё.

Артём поднял голову. Посмотрел на неё. На спину. На сидину. На то, как она стоит. Медленно. Тяжело. . Спросил:

- Мам, а дед воевал с украинцами?

Мать не обернулась. Не вздрогнула. Не остановилась. Просто ответила. Тихо. Спокойно. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто - навсегда.

- В Отечественную все были вместе. Русские, украинцы, белорусы. Все.

Артём:

- А потом?

Мать:

- А потом - не знаю. Он не любил рассказывать. Говорил:

«Что там рассказывать. Воевали - и всё».

Артём:

- А он вообще рассказывал?

Мать:

- Никогда. Только говорил, что дошёл до Берлина. И что там были все. Он говорил: «Там не было разницы».

Артём:

- А сейчас есть?

Мать замолчала. Долго. Стояла. Спиной. Не двигалась. Потом сказала:

- Сейчас - есть.

Артём:

- Почему?

Мать:

- Потому что кто-то решил, что есть.

Артём:

- А дед бы что сказал?

Мать:

- Дед бы сказал: «Не лезь». Или: «Это не твоё дело».

Артём:

- А это моё дело?

Мать обернулась. Посмотрела на него. Долго. Молча. С

чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказала:

- Теперь - да.

Артём не понял. Не понял, почему «теперь». Не понял, почему не раньше. Не понял, почему - да. Он думал: «Почему не раньше? Почему не тогда, когда я не спрашивал? Почему не тогда, когда было можно? Почему - теперь? Когда уже поздно. Когда уже нельзя. Когда уже - не спросить».

Он не знал, что «раньше» - это когда он не спрашивал. А «теперь» - это когда он спрашивает. И что ответа нет. Потому что дед умер. И потому что мать не знает. И потому что никто не знает. Кроме тех, кто молчит. И тех, кто в прошлом. И тех, кто - навсегда.

Мать снова отвернулась. К плите. К борщу. К тому, что было. К тому, что будет. К тому, чего нет. Она думала: «Он спрашивает. Как я. Когда-то. И я не знаю. Как мама. Когда-то. И никто не знает. Как всегда. Как везде. Как - навсегда».

Москва, 2016 год. Комната Артёма

Шкаф. Большой. Тёмный. С резьбой. С дверцей, которая скрипела. С полками, которые прогибались. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Артём открыл дверцу. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. На верхней полке - коробка. Старая. Картонная. С надписью. Неразборчивой. Стёртой. Как всё. Что было. Что есть. Что будет.

Он достал коробку. Поставил на пол. Открыл. Внутри - фотографии. Много. Чёрно-белые. Пожелтевшие. С загнутыми углами. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Дед в военной форме.

Артём смотрел. Долго. Молча. На молодого человека. На усталые глаза. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он знал: ВОВ. Берлин. Но не знал, где. С кем. Как. Почему. Он не знал ничего. Кроме факта. Кроме слова. Кроме того, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он пошёл к отцу. В комнату. Отец сидел в кресле. Смотрел телевизор. Новости. Что-то про Украину. Про войну. Про то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Артём встал рядом. Спросил:

- Пап, а где дед воевал?

Отец не обернулся. Не оторвался от экрана. Сказал:

- Дед дошёл до Берлина. Это главное. Остальное - неважно.

Артём:

- А если важно?

Отец:

- Тогда спроси у деда.

Артём:

- Деда нет.

Отец:

- Тогда не спрашивай.

Артём замолчал. Посмотрел на отца. На затылок. На сиду. На то, как он сидит. Прямо. Жёстко. Как солдат. . Потом сказал:

- Я не могу не спрашивать.

Отец обернулся. Посмотрел на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказал:

- Тогда спрашивай. Но ответа не будет. Потому что дед молчал. И я молчу. И ты будешь молчать. Потому что так надо. Потому что так правильно. Потому что - так.

Артём не понял. Не понял, почему «надо». Не понял, почему «правильно». Не понял, почему - «так». Он думал: «Почему молчать? Почему не рассказать? Почему не объяснить? Почему - не правда? Почему - не жизнь? Почему - не всё?»

Он не спорил. Не возражал. Не настаивал. Просто ушёл. В комнату. К шкафу. К коробке. К фотографии. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он положил фотографию обратно. В коробку. Закрыл. Поставил на полку. Закрыл шкаф. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. Но что-то внутри говорило: «Ты ещё вернёшься к ней». И он возвращался. Через год. Через два. Каждый раз - открывал. Смотрел. Закрывал. Пока не понял. Что за шкафом - не просто фотографии. Что за шкафом - тайна. Которую дед не может рассказать. Которую отец не может объяснить. Которую

он не может понять. Пока не может. Пока не увидит. Пока не узнает. Пока не - навсегда.

Киев, 2016 год

Кухня. Максим за столом. Молча. Смотрел в тарелку. На борщ. На сметану. На хлеб. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет.

Дед у окна. Стоял. Спиной. Курил. Или делал вид. Или просто стоял. Потому что надо. Потому что так правильно. Потому что - дед. А дед - это не слово. Это не роль. Это не профессия. Это - всё.

Максим поднял голову. Посмотрел на него. На спину. На седину. На то, как он стоит. Медленно. Тяжело. . Спросил:

- Дед, а ты воевал?

Дед не обернулся. Не вздрогнул. Не остановился. Просто ответил. Тихо. Спокойно. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто - навсегда.

- Воевал.

Максим:

- А в какой войне?

Дед:

- В одной.

Максим:

- В какой?

Дед:

- Не твоё дело.

Максим:

- Почему?

Дед:

- Потому что ты не поймёшь.

Максим:

- А если пойму?

Дед замолчал. Долго. Стоял. Спиной. Не двигался. Потом сказал:

- Тогда будет хуже.

Максим не понял. Не понял, почему «хуже». Не понял, почему не «лучше». Не понял, почему - так. Он думал: «Что может быть хуже, чем не знать? Что может быть хуже, чем молчание? Что может быть хуже, чем - ничего?»

Он не догадывался, что дед боится не того, что Максим не поймёт. А того, что он поймёт. И осудит. И что там были русские. И что они были вместе. И что они делили хлеб. И что они спасали друг друга. И что они молчали.

Дед молчал. Максим ушёл. В комнату. К столу. К тетради. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не знал, что делать. Не знал, что думать. Не знал, что чувствовать.

Дед стоял у окна. Смотрел на улицу. На людей. На машины. На то, что было. На то, что будет. На то, чего нет. Он думал: «Он спрашивает. Как я. Когда-то. И я не знаю. Как мой отец. Когда-то. И никто не знает. Как всегда.

Киев, 2016 год. Комната деда

Комната пахла пылью и старыми фотографиями. Шкаф.

Большой. Тёмный. С резьбой. С дверцей, которая скрипела. С полками, которые прогибались. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Дед один. Сидел на кровати. Потом встал. Медленно. Тяжело. Колени хрустнули. Подошёл к шкафу. Открыл дверцу. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали.

На верхней полке - коробка. Старая. Картонная. С надписью. Неразборчивой. Стёртой. Как всё. Что было. Что есть. Что будет. Он достал коробку. Поставил на кровать. Открыл. Внутри - фотографии. Много. Чёрно-белые. Пожелтевшие. С загнутыми углами. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он взял одну. Долго смотрел. На фотографии - двое. Он и ещё один человек. Молодые. Смеются. Обнимаются. Счастливые. Как будто войны не было. Как будто смерти не было. Как будто всё было хорошо. И это было самое страшное. Потому что это было не так. Потому что война была. И смерть была. И всё было плохо. Но на фотографии - смеялись. Потому что были молодыми. Потому что не знали. Потому что думали, что всё впереди. А впереди было только молчание.

Максим зашёл. Тихо. Неслышно. Как все дети. Как все. Как всегда. Он увидел. Через плечо деда. Фотографию. Двух молодых людей. Которые смеялись. Которые были вместе. Которые - навсегда.

Дед обернулся. Увидел. Замер. Молчал. Долго. Смотрел

на Максима. На его глаза. На его лицо. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказал:

- Иди.

Максим:

- Кто это?

Дед:

- Никто.

Максим:

- Это ты.

Дед:

- Иди.

Максим ушёл. Молча. В комнату. К столу. К тетради. К тому, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Дед остался. С фотографией. С прошлым. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он смотрел на фотографию. Долго. Молча. На двух молодых людей. Которые смеялись. Которые были вместе. Которые - навсегда. Он думал: «Ты был мне братом. Больше, чем братом. Ты был - мной. А я - тобой. И мы были вместе. И мы делили хлеб. И мы спасали друг друга. И мы молчали. ».

Максим сидел в комнате. Смотрел в тетрадь. На чистую страницу. На белое. На пустое. На то, что можно заполнить. На то, что можно испортить. На то, что можно оставить. Как есть. Как было. Как будет. Он думал: «Кто это был? Почему дед молчит? Почему не рассказывает? Почему - не правда? Почему - не жизнь? Почему - не всё?»

Киев, 2016 год. Комната Максима

Ноутбук. Стол. Кровать. Всё простое. Всё понятное. Всё - своё. Максим сидел. Смотрел видео. О войне на Донбассе. О том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не понимал, кто прав. Не понимал, кто виноват. Не понимал, почему - так. Он просто смотрел. .

Дед зашёл. Тихо. Неслышно. Как все старики. Как все, кто привык не мешать. Увидел. Экран. Видео. Внука. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Сказал:

- Выключи.

Максим:

- Почему?

Дед:

- Потому что там правда с двух сторон. А тебе расскажут только одну.

Максим:

- А какая правда?

Дед:

- Обе. Но тебе не скажут.

Максим выключил видео. Но он уже видел. Видел лица. Видел разрушения. Видел то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Не понимал, кто прав. Спросил деда:

- А ты знаешь, кто прав?

Дед:

- Знаю.

Максим:

- Кто?

Дед:

- Никто. Правы те, кто внизу. А те, кто сверху, - всегда правы. Для себя.

Максим не понял. Не понял, почему «никто». Не понял, почему «внизу». Не понял, почему «для себя». Дед не объяснил. Не мог. Не умел. Не хотел.

Он ушёл. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Максим остался. С вопросом. На который нет ответа. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он смотрел на ноутбук. На тёмный экран. На своё отражение. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. И думал: «Кто прав? Кто виноват? Почему - так? Почему - не иначе? Почему - не правда?»

Параллель

Артём знает факт и направление. «Берлин». Но не детали. Не знает, с кем. Не знает, как. Не знает, почему. Максим не знает ничего. Ни факта. Ни направления. Ни деталей. Ничего. Только молчание. Только фотографию. Только двух молодых людей. Которые смеялись. Которые были вместе. Которые - навсегда.

Оба находят молчание. Но разное. Артём находит молчание в фотографии. В коробке. В шкафу. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Максим на-

ходит молчание в деде. В его глазах. В его словах. В том, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

В Москве Артём закрывает шкаф. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. В Киеве Максим закрывает ноутбук. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнул. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали.

Оба идут спать. Оба думают: «Почему они молчат?» Артём думает о деде, который умер. Который не рассказал. Который молчал. . Максим думает о деде, который жив. Который не рассказывает. Который молчит. .

Оба не понимают, что молчание - это не отсутствие ответа. Это ответ. Просто они его ещё не слышат. Пока не слышат. Пока не могут. Пока не - навсегда.

Глава 7. «Подросток. Первый бунт»

Москва, 2019 год

Артём стоял на кухне. Семнадцать лет. Уже почти взрослый. Ещё не совсем. Что-то между. Что-то, что нельзя назвать. Что-то, что нельзя понять. Что-то, что нельзя забыть. Он смотрел на мать. На её лицо. На усталость. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. И говорил. Громко. Резко. Как говорят подростки. Как говорят все. Как говорят - когда не могут молчать.

- Там наших бьют.

Мать стояла у плиты. Спиной. Не оборачивалась. Не вздрагивала. Не останавливалась. Просто ответила. Тихо.

Спокойно. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто - навсегда.

- Я знаю.

Артём:

- А почему мы там?

Мать:

- Потому что так надо.

Артём:

- Кому надо?

Мать замолчала. Долго. Стояла. Спиной. Не двигалась. Потом сказала:

- Не спрашивай.

Артём:

- А дед бы что сказал?

Мать обернулась. Посмотрела на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказала:

- Деда нет. И не спрашивай.

Артём встал. Резко. Стул отлетел. Ударился о стену. Грохнул. Он не обернулся. Не поднял. Не извинился. Просто пошёл. В комнату. Хлопнул дверью. Громко. Чтобы услышали. Чтобы поняли. Чтобы - знали.

Мать осталась. На кухне. Одна. С жареным луком. Со старыми обидами. С тем, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Она смотрела на закрытую дверь. Долго. Молча. Потом села. На стул. Тяжело. Как старуха. И запла-

кала. Тихо. Чтобы не услышал. Чтобы не узнал. Чтобы не -
понял.

Она думала: «Он спрашивает. Как я. Когда-то. И я не
знаю. Как мама. Когда-то. И никто не знает. И я не могу ему
сказать. Потому что не знаю. Потому что не могу. Потому
что - не правда. Потому что - не жизнь. Потому что - не всё».

Москва, 2019 год. Комната Артёма

Артём на кровати. Лежал. Телефон в руке. Экран светил-
ся. Новости. Везде одно и то же. Одни и те же слова. Одни
и те же лица. Одни и те же обещания. Он листал. Не читал.
Просто листал.

Он закрыл телефон. Положил на грудь. Смотрел на фото-
графию деда. На стене. На молодого человека в форме. На
усталые глаза. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять.
Что нельзя забыть. И думал: «Дед бы знал. Дед бы объяснил.
Дед бы сказал. Что-то. Что-то важное. Что-то, что я могу по-
нять. Что-то, что - правда».

Он не знал, что дед, может быть, объяснил бы иначе, чем
мать. Что дед, может быть, сказал бы: «Не лезь». Или: «Это
не твоё дело». Или: «Это твоё дело, но ты не поймёшь». Он
просто думал, что дед бы знал. Что дед бы - смог. Что дед бы
- рассказал. Потому что дед - воевал. Потому что дед - видел.
Потому что дед - знал. Что-то. Что-то, что нельзя назвать.
Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Он закрыл глаза. Не спал. Думал. О деде. О войне. О том,
что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. О

том, что он не знает. И о том, что он хочет знать. И о том, что он - не может. Потому что дед умер. Потому что мать молчит. Потому что отец - не здесь. Потому что - никто. Потому что - всегда. Потому что - навсегда.

Киев, 2019 год

Кухня пахла табаком и старым чаем. Чай был холодный - дед забыл про него. Или не хотел. Или не мог. Запах остался. Запах дома. Запах жизни. Запах того, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть.

Максим сидел за столом. Семнадцать лет.

- Дед, а почему мы не говорим о войне?

Дед не обернулся. Не вздрогнул. Не остановился. Просто ответил. Тихо. Спокойно. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто - навсегда.

- Потому что говорить - значит выбирать сторону. А я не хочу выбирать.

Максим:

- А ты уже выбрал?

Дед:

- Давно.

Максим:

- Какую?

Дед:

- Свою.

Максим не понял. Не понял, что значит «свою». Не понял, как можно выбрать свою сторону. Не понял, разве можно.

Разве стороны не даны. Разве не сверху. Разве не - навсегда. Он спросил:

- А как?

Дед:

- Когда поймёшь, кто рядом. Тогда поймёшь.

Максим:

- А если не пойму?

Дед:

- Поймёшь. Когда увидишь.

Максим:

- Что увижу?

Дед:

- Всё. И ничего. И правду. И ложь. И себя. И врага. И то, что враг - не враг.

Максим не понял. Не понял, как враг может быть не врагом. Не понял, что значит «всё». Не понял, что значит «ничего». Но запомнил. Слова. Интонацию. Всё. Как запоминают дети. Как запоминают все. Как запоминают навсегда.

Дед встал. Подошёл к окну. Закурил. Дым поднимался. К потолку. К тому, что было. К тому, что будет. К тому, чего нет. И думал: «Он спрашивает. Как я. Когда-то. И я не знаю. Как мой отец. Когда-то. И никто не знает. Как всегда. Как везде. Как - навсегда. Но он поймёт. Когда увидит. Когда будет там. В подвале. С врагом. Который окажется не врагом. И тогда он вспомнит. И тогда он поймёт. И тогда он - будет. Как надо. Как правильно. Как - навсегда».

Москва, 2019 год. Комната Артёма

Артём в телефоне. Листал. Новости. «Война на Донбассе». Не понимал. Не знал. Не мог. Что это. Зачем. Почему. Он читал. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не понимал. Не знал. Но хотел. Понять. Узнать. - Всё.

Он встал. Пошёл к отцу. В комнату. Отец в кресле. Смотрел телевизор. Новости. Что-то про Украину. Про войну. Про то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Артём встал рядом. Спросил:

- Пап, а что там? На Донбассе?

Отец не обернулся. Не оторвался от экрана. Сказал:

- Война.

Артём:

- Какая война?

Отец:

- Гражданская. Там наших бьют.

Артём:

- Кого - наших?

Отец:

- Русских. Тех, кто не хотел жить по-ихнему.

Артём:

- А мы? Мы там?

Отец:

- Мы помогаем. Тихо. Пока тихо.

Артём:

- А дед помогал?

Отец:

- Дед воевал. Это другое.

Артём:

- Чем другое?

Отец:

- Тем, что тогда было ясно, за что.

Артём:

- А сейчас?

Отец:

- А сейчас - не твоё дело.

Артём замолчал. Посмотрел на отца. На затылок. На седину. На то, как он сидит. Прямо. Жёстко. Как солдат. . Потом сказал:

- Почему не моё? Я тоже русский. Я тоже - здесь. Я тоже - буду.

Отец обернулся. Посмотрел на него. Долго. Молча. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Потом сказал:

- Потому что ты не знаешь. И не узнаешь. Пока не будет поздно. Пока не увидишь. Пока не - поймёшь.

Артём не понял. Не понял, почему «поздно». Не понял, почему «увидишь». Не понял, почему - «поймёшь». Он думал: «Что я должен увидеть? Что я должен понять? Что я должен - знать?»

Киев, 2019 год. Комната Максима

Максим в телефоне. Листал. Новости. «Война на Донбас-се». Не понимал. Не знал. Не мог. Что это. Зачем. Почему. Он читал. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Что-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Он не понимал. Не знал. Но хотел. Понять. Узнать. - Всё.

Он встал. Пошёл к деду. На балкон. Дед курил. Смотрел на улицу. На людей. На машины. На то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Максим встал рядом. Спросил:

- Дед, а что там? На Донбассе?

Дед не обернулся. Не вздрогнул. Не остановился. Просто ответил. Тихо. Спокойно. Как будто ждал. Как будто знал. Как будто - навсегда.

- Война.

Максим:

- Какая война?

Дед:

- Наша. Там наших бьют.

Максим:

- Кого - наших?

Дед:

- Наших. Тех, кто на своей земле. Кто не хотел под них.

Максим:

- А мы? Мы там?

Дед:

- Мы - здесь. Пока здесь.

Максим:

- А ты воевал?

Дед:

- Воевал. Но не в этой.

Максим:

- А в какой?

Дед:

- В другой. Давно. Не твоё дело.

Максим:

- Почему не моё?

Дед:

- Потому что ты не поймёшь. Пока не поймёшь.

Максим не понял. Не понял, почему «пока». Не понял, почему «не поймёшь». Не понял, почему - так. Он думал: «Что я должен понять? Что я должен - знать?»

Он смотрел в окно. Молчал. Долго. С чем-то, что нельзя назвать. Что нельзя понять. Что нельзя забыть. Максим понял: дед что-то знает. Но не скажет. Потому что не может. Потому что не хочет. Потому что - не правда. Потому что - не жизнь. Потому что - не всё.

Параллель

Два слова. «Война» и «война». В Москве Артём записывает в телефон: «Там наших быют». В Киеве Максим записывает: «Там наших быют». Оба не понимают, что записыва-

ют одно и то же разными словами. Оба не понимают, что за словами - одно. Одно и то же. Одна и та же война. Одна и та же смерть. Одна и та же боль. Одна и та же - навсегда.

Они ещё не знают, что через три года встретятся в подвале и поймут: слова были разные, а война - одна. И что за словами - люди. Такие же, как они. Такие же, как все. Такие же - навсегда.

В Москве Артём закрывает телефон. В Киеве Максим закрывает телефон. Оба идут спать. Оба думают: «Почему они молчат?» Артём думает о деде, который умер. Максим думает о деде, который жив. Оба не понимают, что молчание - это не отсутствие ответа. Это ответ. Просто они его ещё не слышат. Пока не слышат. Пока не могут. Пока не - навсегда.

А за окнами шёл дождь. В Москве. В Киеве. Везде. Мелкий. Осенний. Хотя была весна.

Глава 8. «Отец и дед»

Москва, 2020 год

Прихожая пахла мокрой обувью и дорогой. Дорога была долгая - через полстраны, через войну, через то, что нельзя назвать. Отец снимал ботинки. Медленно. Тяжело. Как солдат. Грязь на подошве. Грязь на полу. Грязь на всём. Которая останется.

Артём вышел из комнаты. Восемнадцать лет. Он смотрел на отца. На его лицо. На усталость. Не подошёл. Не обнял. Не сказал. Просто стоял. И смотрел.

Отец выпрямился. Посмотрел на него. Сверху вниз. Как на что-то маленькое. Но важное. Сказал:

- Я вернулся.

Артём:

- Ты был на войне?

Отец:

- Был.

Артём:

- Убивал?

Отец замолчал. Долго. Смотрел на него. На его глаза. На его лицо. Потом сказал:

- Не спрашивай.

Артём:

- А дед убивал?

Отец:

- Дед воевал в Отечественную. Дошёл до Берлина. Тогда было ясно, за что. И с кем.

Артём:

- А с кем?

Отец:

- Со всеми. Русские, украинцы, белорусы. Все вместе.

Артём:

- А сейчас?

Отец:

- А сейчас - не вместе.

Артём:

- Почему?

Отец:

- Потому что кто-то решил, что мы разные.

Артём:

- А мы разные?

Отец:

- Нет. Но кто-то решил.

Артём замолчал. Посмотрел на отца. На его усталость. Отец смотрел в сторону. Молчал. Долго. И это молчание было громче любых слов. Громче любого ответа. Громче - всего.

Артём не понял. Не понял, почему «не вместе». Не понял, почему «кто-то решил». Не понял, почему - «разные». Он думал: «Кто решил? Зачем? Почему? Разве мы - не люди? Разве мы - не братья? Разве мы - не вместе? Разве - не навсегда?»

Москва, 2020 год. Комната Артёма. Ночь

Артём не спал. Лежал. Потом встал. Медленно. Тихо. Чтобы не слышали. Чтобы не узнали. Чтобы не - поняли. Пошёл к шкафу. Открыл дверцу. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула.

Достал фотографию деда. Смотрел. Долго. Молча. На молодого человека в форме. На усталые глаза. И думал: «А кто был рядом с тобой? Кто тебя прикрывал? Кто делил с тобой хлеб? Кто спасал тебя? Кто - был?»

Он не мог спросить. Не мог узнать. Потому что дед умер.

Потому что мать молчит. Потому что отец - не здесь. Потому что - никто. Потому что - всегда. Потому что - навсегда.

Он смотрел на фотографию. На молодого человека. На усталые глаза. И думал: «Ты был там. Ты видел. Ты знал. Ты - молчал. Почему? Почему не рассказал? Почему не объяснил? Почему - не правда? Почему - не жизнь? Почему - не всё?»

Закрыв шкаф. Пошёл спать. Но сон не шёл. Он лежал. Смотрел в потолок. Трещина была всё той же - карта страны, которой нет. И думал: «Я не знаю своего деда. Я знаю только, что он воевал. И что он дошёл до Берлина. И что там были все. И что - не было разницы. И это - всё. Всё, что осталось. Всё, что есть. Всё, что будет».

Киев, 2020 год

Дед сидел за столом. Молчал. Смотрел в стену. На трещине остановился взгляд - она была старая, её закрашивали много раз, но она возвращалась. Как всё, что не хочешь вспоминать. Максим сидел рядом. Восемнадцать лет. Уже взрослый. Ещё не совсем. Он смотрел на деда. На его лицо. На усталость. Ждал. Молчал.

Дед заговорил. Впервые. Сам. Ни с того ни с сего. Тихо. Медленно. Как будто слова шли из глубокого колодца. Как будто каждое слово - тяжесть. Как будто каждое слово - боль.

- Я воевал. Но не за то, за что сейчас.

Максим:

- А за что?

Дед:

- За людей. Просто за людей.

Замолчал. Долго. Смотрел в стену. На трещину. Максим ждал. Не торопил. Не спрашивал. Просто ждал.

Максим:

- А в какой войне?

Дед:

- В одной.

Максим:

- В какой?

Дед:

- Неважно.

Максим:

- Для меня важно.

Дед:

- Я помню. Но не скажу.

Максим:

- Почему?

Дед:

- Потому что ты не поймёшь. Пока.

Максим:

- А когда пойму?

Дед:

- Когда сам увидишь. Тогда поймёшь.

Дед встал. Закурил. Дым поднимался. К потолку. К тому, что было. К тому, что будет. К тому, чего нет. Он смотрел

на улицу. На людей. На машины. И думал: «Он спрашивает. Как я. Когда-то. И я не знаю. Как мой отец. Когда-то. И никто не знает. Но он поймёт. Когда увидит. Когда будет там. В подвале. С врагом. Который окажется не врагом. И тогда он вспомнит. И тогда он поймёт. И тогда он - будет. Как надо. Как правильно».

Москва, 2020 год. Комната Артёма. Ночь

Артём на кровати. Смотрел в потолок. Он давно перестал видеть в нём что-то, кроме потолка. Думал об отце. О деде. Понимал: он знает, что дед дошёл до Берлина. Но не знает, с кем. С какими людьми. С какими украинцами. Он вообще не думал, что там были украинцы. Он думал: «Дед воевал». И всё. И это - всё. Всё, что осталось. Всё, что есть. Всё, что будет.

Он встал. Пошёл к шкафу. Открыл. Достал фотографию. Смотрел. Долго. Молча. На молодого человека в форме. На усталые глаза. И думал: «Ты был там. С ними. С украинцами. С русскими. Со всеми. И ты молчал. Почему? Почему не рассказал? Почему не объяснил? Почему - не правда? Почему - не жизнь? Почему - не всё?»

Он положил фотографию обратно. В коробку. Закрыл. Поставил на полку. Закрыл шкаф. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. Лёг. Не спал. Думал. О деде. О войне. И о том, что он - не знает. И о том, что он - хочет знать. И о том, что он - не может. Потому что дед умер. Потому что мать молчит. Потому

что отец - не здесь. Потому что - никто. Потому что - всегда.
Потому что - навсегда.

Киев, 2020 год. Кухня. Ночь

Максим не спал. Лежал. Смотрел в потолок. Ничего нового там не было - ни ответов, ни знаков. Просто потолок. Просто тишина. Просто он. Потом встал. Пошёл на кухню. Дед сидел там. Молчал. Смотрел в стену. На трещину. Максим сел рядом. Молчал. Долго.

Дед:

- Ты чего не спишь?

Максим:

- Думаю.

Дед:

- О чём?

Максим:

- О тебе.

Дед:

- Не думай.

Максим:

- Почему?

Дед:

- Потому что нечего думать. Я воевал. И всё.

Максим:

- А с кем?

Дед замолчал. Долго. Смотрел в стену. На трещину. Потом сказал:

- С такими же, как я.

Максим:

- А они кто?

Дед:

- Люди. Просто люди.

Ушёл. Медленно. Тяжело. Колени хрустнули. Максим остался. Один. На кухне. Не понимал, почему дед сказал «люди», а не «враги». Но что-то внутри говорило: «Это важно». Он запомнил. Слова. Интонацию. Всё.

Параллель

Два сына, два отца. Один вернулся с войны. Другой не вернулся с войны. Оба молчат. И оба - рядом. Но Артём знает хотя бы слово «Берлин». Максим не знает ничего. Ни слова. Ни направления. Ни факта. Ничего. Только молчание. Только фотографию. Только двух молодых людей. Которые смеялись. Которые были вместе. Которые - навсегда.

В Москве Артём закрывает шкаф. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. В Киеве Максим выходит с кухни. Медленно. Осторожно. Чтобы не скрипнула. Чтобы не услышали. Чтобы не узнали. Оба идут спать. Оба думают: «Почему они молчат?» Артём думает о деде, который умер. Максим думает о деде, который жив. Оба не понимают, что молчание - это не отсутствие ответа. Это ответ. Просто они его ещё не слышат. Пока не слышат. Пока не могут. Пока не - навсегда.

Глава 9. «Ковид»

Москва, 2020 год

Маска лежала на столе - смятая, белая, с каплями от дыхания. Артём смотрел на неё, пока ноутбук гудел лекцией. Голос преподавателя был далёкий, металлический, чужой. Он не слушал. Листал телефон. Новости. Мемы. Что-то ещё. Что-то, что не имело значения.

Мать зашла. В маске. С антисептиком в руках. Посмотрела на него. На ноутбук. На телефон. Сказала:

- Ты бы учился.

Артём не поднял головы:

- Я учусь.

Мать:

- Ты в телефоне.

Артём:

- Там учёба.

Мать:

- Там новости.

Артём:

- И новости тоже.

Мать:

- Не читай новости. Там врут.

Артём поднял голову. Посмотрел на неё. На маску. На глаза. На усталость. Спросил:

- А где не врут?

Мать замолчала. Долго. Стояла. Смотрела на него. Потом

сказала:

- Нигде. Но там врут больше.

Ушла. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Артём смотрел на закрытую дверь. Долго. Молча. Потом сказал. Тихо. Чтобы никто не слышал. Даже он сам:

- Если везде врут, как узнать правду?

Москва, 2020 год. Комната Артёма. Форум

Экран светился в темноте. Артём сидел на форуме. Анонимном. Тёмном. Где никто не знает. Никто не видит. Никто не - понимает. Он читал. Не понимал. Слова. Простые. Понятные. Но за ними - что-то другое. Он написал вопрос. Коротко. Просто.

«Что там на самом деле?»

Ему ответили. Быстро. Кто-то. Неизвестный. С ником. С аватаркой.

«Ты не поймёшь. Ты там не был».

Артём:

«А вы были?»

Ответ:

«Был».

Артём:

«И что?»

Ответ:

«И ничего. Война - это не то, что показывают по телевизору».

Артём:

«А что?»

Ответ:

«Ад. Просто ад».

Артём не понял. Не понял, почему «ад». Не понял, почему «просто». Не понял, почему - так. Он думал: «Какой ад? Там же наши. Какой ад, если мы - за правду? Какой ад, если мы - хорошие?»

Он не понимал, что «наши» и «ад» - не противоположности. Что они могут быть вместе. Что они - одно. Что ад - это не враг. Это - война. И что он сам будет там. Через два года. В аду. С автоматом. С врагом. Который окажется не врагом. И что он поймёт: тот, кто ответил, - был прав. И что он - тоже. И что всё - сложнее. И что всё - проще. Одновременно.

Он открыл другой форум. Другой. Светлый. Где говорили то, что он хотел услышать. Где говорили: «Мы - правы». «Они - враги». «Всё будет хорошо». Он читал. Долго. Молча. И успокаивался. Медленно. Он не знал, что это - ловушка. Что это - ложь. Что это - не правда. Он думал, что нашёл правду. А нашёл только удобство. Только комфорт. Только - обман.

Киев, 2020 год. Комната Максима

Камера стояла на штативе, объектив смотрел в пустоту. Максим проверял свет. Кухня. Борщ. Всё простое. Всё понятное. Всё - своё. Он сел перед камерой. Включил запись. Говорил. В объектив.

- Сегодня я приготовлю борщ. Но сначала - о жизни. Я не

политик. Я просто повар. Бывший. Но я вижу, что происходит.

Дед зашёл. Тихо. Неслышно. Как все старики. Как все, кто привык не мешать. Увидел. Камеру. Внука. Слова. Молчал. Долго. Смотрел. Потом сказал:

- Не говори того, чего не понимаешь.

Максим:

- А что я не понимаю?

Дед:

- Всё.

Вышел. Молча. Без слов. Без объяснений. Без всего. Максим выключил камеру. Посмотрел на дверь. Не понял, что дед имеет в виду. Но что-то внутри говорило: «Он прав». Он запомнил.

Москва, 2020 год. Комната Артёма

На экране - война. Настоящая. Не то, что по телевизору. Не то, что в новостях. Не то, что в удобных форумах. Другое. Тёмное. Страшное. Артём смотрел. Долго. Молча. На лица. На разрушения.

Он не понимал. Не понимал, почему они говорят, что там ад. Не понимал, почему «наши» и «ад» - вместе. Не понимал, почему - так. Он думал: «Там же наши. Там же правда. Там же - мы. Почему ад? Почему - боль? Почему - смерть?»

Он не знал, что человек, который говорит «ад», говорит правду. Просто правду, которую Артём не готов услышать. Пока не готов. Пока не может.

Он закрыл видео. Открыл другое. Там говорили то, что он хотел слышать. Там говорили: «Мы - правы». «Они - враги». «Всё будет хорошо». Он смотрел. Долго. Молча. И успокаивался. Медленно. Он не знал, что это - ложь. Что это - не правда. Что это - обман. Он думал, что нашёл правду. А нашёл только удобство. Только комфорт. Только - иллюзию.

Он закрыл телефон. Положил на стол. Посмотрел в окно. На город. На людей в масках. На машины. На жизнь. Которая идёт. Не ждёт. Не останавливается. Не смотрит на него. Не понимает. Не знает. Просто идёт. Без деда. С ним. Рядом. Везде.

Он думал: «Я не буду там. Я не хочу туда. Я не пойду. Я - не такой. Я - другой. Я - лучше. Я - не буду».

Киев, 2020 год. Кухня

Видео набирало просмотры. Медленно. Но набирало. Люди смотрели. Люди слушали. Люди - верили. Или не верили. Или - что-то между.

Максим записывал снова. Камера. Штатив. Свет. Кухня. Борщ. Всё простое. Всё понятное. Всё - своё. Он говорил. В камеру. В объектив.

- Ребята, я не политик. Я просто повар. Бывший. Но я вижу, что происходит.

Дед смотрел. Молчал. Долго. Смотрел на экран. На внука. На слова. Потом сказал:

- Не записывай больше.

Максим:

- Почему?

Дед:

- Потому что завтра будет не до видео.

Максим:

- Что завтра?

Дед:

- Не знаю. Но что-то будет.

Максим не понял. Не понял, что значит «что-то». Не понял, почему «не до видео». Не понял, почему - завтра. Он думал: «Что может быть? Что может случиться? Что может - измениться?»

Он выключил камеру. Посмотрел на деда. На его лицо. На усталость. Спросил:

- Дед, ты чего боишься?

Дед:

- Ничего. Я уже всего боюсь. Давно.

Максим:

- А чего?

Дед:

- Того, что будет. Того, что было. Того, что не рассказал.

Максим:

- Расскажи.

Дед:

- Не могу. Пока не могу.

Максим не понял. Не понял, что значит «пока». Не понял, почему «не могу». Не понял, почему - так. Он думал: «Что

значит «пока»? Что значит «не могу»? Что значит - «не рассказал»?»

Параллель

Два экрана. Один - читает. Другой - говорит. В Москве Артём закрывает ноутбук. В Киеве Максим выключает камеру. Оба идут спать. Оба думают: «Что будет завтра?» Артём думает: «Наверное, ничего». Максим думает: «Наверное, что-то». Оба не знают, что «завтра» - это через два года. И что это «завтра» начнётся 24 февраля 2022 года. И что это «завтра» изменит всё. Навсегда.

Глава 10. «Девятнадцать»

Москва, 2021 год

Аудитория пахла мелом и кофе из автомата. Кофе был дрянной - растворимый, с привкусом картона. Его пили все. К нему привыкли. Как привыкают ко всему, что нельзя изменить. Артём сидел на заднем ряду. Девятнадцать лет. Уже взрослый. Ещё не совсем. Ноутбук перед ним. Экран светился. Новости. Лекция шла - голос преподавателя, далёкий и неважный. Артём не слушал. Он читал. Везде одно и то же. Одни и те же слова. Одни и те же лица. Одни и те же обещания.

«На Донбассе погибли дети».

Он читал. Медленно. Каждое слово. Каждую букву. Каждую запятую. И чувствовал. Что-то. Внутри. Тяжёлое. Острое. Злое. Не на кого-то конкретно. Просто злость. Про-

сто - ярость. Ему сказали: Киев. Он запомнил. Не проверял. Не спрашивал. Просто запомнил. Он знал только одно: там погибли дети. И этого было достаточно. Достаточно, чтобы чувствовать. Достаточно, чтобы ненавидеть. Достаточно, чтобы не задавать вопросов.

Преподаватель что-то говорил про алгоритмы. Про структуры данных. Про оптимизацию. Слова плыли. Артём кивал. Иногда. Для вида. Он умел кивать. Умел делать лицо. Умел быть как все. Он смотрел в экран. И экран смотрел в него. Новости. Лента. Бесконечная. Как река. Как время. Как страх.

Он открыл чат. Одногоруппники. Кто-то писал: «Нас туда не отправят, мы айтишники». Артём поставил лайк. Верил. Хотел верить. Нужно было верить. Потому что иначе - страх. Иначе - паника. Иначе - то, что нельзя назвать. Он верил, что его не коснётся. Что война - это где-то там. Далеко. За горизонтом. За экраном. За чужими жизнями. Он верил, что его жизнь - это код, кофе, лекции, дедлайн, сериал на ночь. Он верил, что так будет всегда. Он верил. Как верят все. Пока не перестают.

Он закрыл чат. Открыл снова. Перечитал сообщение. «Мы айтишники». Хорошее слово. Тёплое. Защитное. Как броня. Как щит. Как стена. За стеной - безопасно. За стеной - не страшно. За стеной - можно не думать. Артём не думал. Он листал. Он ставил лайки. Он верил. Он не знал, что вера - это тоже выбор. Что однажды придётся выбирать. И что

выбор будет - не между добром и злом. А между правдой и удобством. И что удобство - проиграет. Всегда. Рано или поздно.

Он поднял глаза от экрана. В аудитории было человек тридцать. Кто-то спал. Кто-то рисовал в тетради. Кто-то переписывался. Никто не слушал. Все были заняты. Своими делами. Своими жизнями. Своими экранами. Артём посмотрел на них. И вдруг подумал: а ведь каждый из них что-то читал сегодня. Что-то видел. Что-то чувствовал. И каждый - молчит. Каждый - кивает. Каждый - верит. И каждый - один. В этой аудитории. В этом городе. В этой стране. В этом мире. Один - с экраном. Один - со злостью. Один - с ничем.

Прозвенел звонок. Преподаватель замолчал на полуслове. Студенты зашевелились. Зашумели. Засобирались. Артём закрыл ноутбук. Медленно. Аккуратно. Как будто внутри было что-то хрупкое. Что-то, что нельзя разбить. Он сунул ноутбук в рюкзак. Встал. Надел куртку. Вышел в коридор.

Коридор был длинный. Светлый. С окнами на одну сторону. За окнами - Москва. Большая. Шумная. Равнодушная. Артём шёл по коридору. И думал. О чём? О новостях. О детях. О Киеве. О том, кто виноват. Он не знал, кто виноват. Ему сказали. Он запомнил. Он шёл. И злость шла с ним. Рядом. Внутри. Как второй человек. Как тень. Как что-то, что нельзя выключить.

На выходе из корпуса его окликнули. Одногоруппник. Вы-

сокий. Худой. В очках. С рюкзаком на одном плече.

- Артём! Ты куда?

- Домой.

- Пошли в кофейню. Там новый сорт. Говорят, не картон.

Артём усмехнулся. Кивнул. Пошли. Кофейня была через дорогу. Маленькая. С тремя столиками. С бариста, который знал всех. Они сели у окна. Заказали. Кофе принесли. Он был лучше, чем в автомате. Но всё равно - не тот. Не важно. Они пили. Молчали. Потом одноклассник сказал:

- Ты видел новости?

- Видел.

- Жесть.

- Жесть.

- А нас не отправят. Мы же айтишники.

- Ага.

Они пили кофе. Говорили ни о чём. О сериалах. О преподах. О том, что скоро сессия. О том, что надо бы начать делать курсовую. О том, что лето будет. Обязательно будет. Они верили. Оба. В лето. В курсовую. В то, что их не отправят. Они сидели у окна. За окном шла Москва. Большая. Шумная. Равнодушная. Они пили кофе. И были - как все. И это было - хорошо. Потому что так - проще. Так - безопаснее. Так - можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.